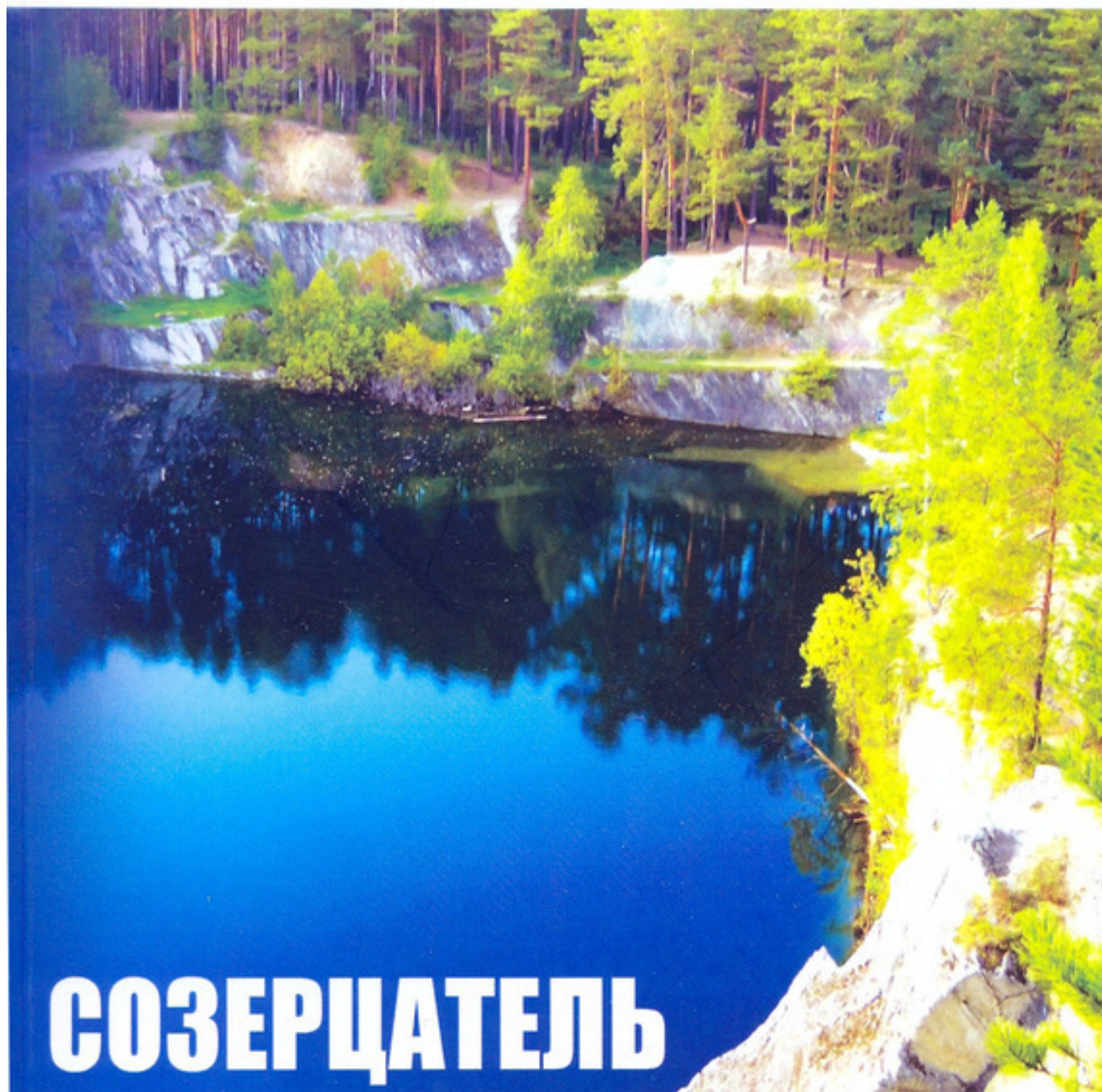

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ

СОЗЕРЦАТЕЛЬ

АВТОРСКАЯ КНИГА

Александр Петров

Созерцатель

«Автор»

2012

Петров А.

Созерцатель / А. Петров — «Автор», 2012

Жил себе Андрей обычно и бессмысленно, как вдруг познакомился он с Созерцателем – и с той минуты судьба его круто изменилась. Шаг за шагом он стал учиться полагаться на волю Божию, что на практике даже с крепко верующими случается редко. «Ну, и что он с этого имеет?» – спросит обыватель. Непрестанное духовное напряжение, существование между небом и землёй, адом и раем – да кто же понесёт такое добровольно? Но и это не всё!.. «Бог не даёт великого дарования без великого испытания», – сказал преподобный Исаак Сириянин. И великие испытания не заставляют себя ждать. Убийцы и маньяки, соблазнительницы и предатели, фарисеи и изменники – все эти неприятности ежедневно сопутствуют созерцателю, в общем-то, одинокому и немощному человеку, у которого помощник – один Бог, невидимый и отвергаемый большинством. Да возможно ли это в наше суетное время «всеобщей долларизации»? Автору посчастливилось познакомиться с такими людьми, пожить с ними бок о бок, провести не один год в совместной молитве и рассуждениях, поэтому он отвечает на расхожее недоумение – да, возможно! Только даётся это далеко не каждому, потому что требует от человека той детской чистой веры с горчичное зёрнышко, которая горы передвигает, ради которой не жалко и жизнь отдать.

© Петров А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть 1	5
Спящий лев	5
К вопросу о поиске сокровищ	16
«Рай» на земле	30
...И в сон желание смерти вселено	36
Охотник и жертва	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Петров

Созерцатель

В груди, там, где пульсировало сердце, только гораздо глубже, настолько глубже, насколько выше человека небо и то, что превьшише небес, – там, на немьслимой глубине души, я увидел свет.

Часть 1

*Я жить-то не умею,
Не то что убивать.*
«Солдат Киплинга»
Ю. Кукин

Спящий лев

Это был странный человек, и всё, связанное с ним, так же казалось несколько странным. Он непривычно выглядел, одевался, говорил, двигался и видел окружающий мир. И появился в моей жизни так же необычно.

Тогда стояли первые погожие дни начала лета. В пятницу вечером у выхода из метро я встречал свою Ларису. Она не отличалась пунктуальностью, могла по пути домой зайти в магазин, встретить и вдоволь наговориться с подругой, поэтому ожидать её приходилось подолгу.

Чуть позже моё одиночество разделил Борис и тоже занял место в нервной шеренге встречающих. Раньше он играл на синтезаторе в знаменитой рок-группе и даже слегка преуспевал. Но за плохо законспирированный роман с женой солиста был сильно избит и изгнан из группы вон. Мстительный солист не успокоился на административных мерах и сообщил об измене красавице Ляле, жене Бориса, и та от него ушла, отсудив «Ситроен», дачу на Пахре и две комнаты трехкомнатной квартиры.

После этого Борис сочинял на дому музыку для показа моделей знаменитому модельеру. Часть гонорара ему выплачивали непристойными фильмами, которые вдохновляли его страстные фортиссимо и разбавляли адреналином вялую кровь. Жил он в «однушке» на семнадцатом этаже, с каждым годом всё больше спивался, стибался, лысел и мрачнел. Борис занудно рассказывал о капризах модельера и наезде налоговой полиции, курил одну сигарету за другой, отхлебывал из гламурной плоской фляжки со стразами жидкость, пахнущую карболкой, и от каждого глотка судорожно дергался, глубоко дышал и морщился.

Я рассеянно слушал его бурчание и смотрел на лица выходящих из подземелья пассажиров. На них падали розовые лучи заката. Люди жмурились, хмурились, сонно потягивались, рассеянно шарили глазами по шеренге встречающих... Это меня удивило: вечер пятницы, теплый и румяный, как щеки влюблённой старшеклассницы, позади рабочая неделя, впереди выходные – а на лицах людей, прошедших передо мной за восемнадцать минут, ни одной улыбки! «Деньги кончились, долги растут, здоровье никакое, Лялька в Ницце с новым бой-френдом, сын в Штатах автостопом и полгода не звонит, закат кровавый, люди сволочи, поясницу ломит», – долдонил Борис у меня под боком, ожидая дежурную подружку.

И тут среди толпы мрачных усталых людей – сверкнула улыбка! Простая человеческая улыбка рядового горожанина – и на душе потеплело... Я взглянул на табло, висевшее над вхо-

дом. Лампочки выстроились в следующую композицию: «20–32, 754 mm, 21°C». Словно молния проскочила в глубине мозга – это первый час вечера новой жизни.

– Кто это? – спросил я всезнающего Бориса.

– Так, местный дурачок Гоша. Шляется с утра до вечера, не работает и – гад такой – не пьёт. Совсем уже!..

Я пригляделся к незнакомцу, благо тот встал и любовался багровым небом в синих крыльях облаков. Длинные растрепанные волосы, небрежная бородка-эспаньолка, светло-серые прозрачные глаза, подвижные длинные руки, куртка цвета хаки, примерно как у Джона Леннона, бесформенные и бесцветные джинсы, брезентовая сумка для противогаза через плечо. ...И улыбка!

Он сосредоточенно разглядывал западное небо, словно пытался запомнить, как разглядывают, должно быть, родной город или село, которое покидают навечно. На что же там смотреть так долго? Повернулся на запад и я. О, это выглядело на самом деле таинственно и величественно: острова фиолетовых облаков, плывущих, летящих, парящих в океане червонного золота. Перевел взгляд на Гошу – на его лице, в глазах, поверхности лба и скулах – едва заметно теплились мягкие переливы бордовых оттенков.

Видимо, он перехватил мой изучающий взгляд, подошел и протянул руку:

– Привет! Позвольте представиться: Игорь Беклемишев, созерцатель, – сказал он приятным голосом. Я не видел причин отказать ему в знакомстве, более того – обрадовался и энергично пожал протянутую руку.

– И какой ныне оклад жалования у созерцателей? – прогнусавил Борис где-то до неприятности рядом.

Игорь с рассеянной улыбкой взглянул на него, сквозь него, над ним, вокруг него, видимо, не понимая смысла вопроса.

– На какие средства прозябаешь, Гоша? – громко, по слогам, как иностранца, переспросил Борис.

– Ах, это! – воскликнул тот, озарившись счастливой улыбкой. – В смысле, откуда деньги? – Замолчал он, будто что-то вспоминая. – Точно сказать так сразу не могу. – Снова замолчал он, будто подыскивая слова. – Но полагаю, из разных источников. – Подумал немного, уверенно кивнул и произнес: – Да, несомненно, из разных.

Говорил он медленно, с паузами, и кто знает, сколько непроявленных эмоций и невысказанных слов оставалась там, под лобной костью черепной коробки.

– Тогда, может, дашь займы нищему музыканту? А, Гош?

– Пожалуйста, – с готовностью откликнулся Игорь и достал из кармана куртки несколько мятых десятирублёвок. – Сколько тебе нужно?

– Это что за фантики? – презренно спросил агрессивный рокер, у которого самой мелкой купюрой считалась двадцатидолларовая, то есть около шестисот рублей по курсу того знакового дня.

– Борис, – вклинился я, – отстань от человека. Что ты в самом деле!..

Скоро должна была появиться моя Лариса, а мне почему-то ужас как не хотелось потерять этого странного человека.

– Ты... Вы... Простите... – замялся я.

– Ничего, можно и на «ты», – кивнул Гоша, невольно продолжая разглядывать через мое плечо закат.

– Ты, Игорь, дай, пожалуйста, телефон. Я позвоню тебе. Поговорим. А?

– Конечно. Вот здесь, кажется, написано, – протянул он мне визитную карточку. – Очень рад знакомству.

Не успел я как следует удивиться наличию визитной карточки у такого вроде бы непрактичного человека, как подошла моя Лариса. Увы, она тоже не улыбалась...

А вечером, после ужина, усталая подруга Лора задремала у телевизора. Я подошел к дивану, опустился на корточки, внимательно посмотрел на её расслабленное лицо, красивое и беззащитно-детское. Иногда она сопела, похрапывала, бормотала, вздрагивала. Когда она спала, я обычно ощущал в груди живое теплое чувство, похожее, должно быть, на отеческую любовь, полную всепрощения и жалости.

Помнится, раньше, когда мы только познакомились и она поселилась в моей холостяцкой квартире, одно присутствие этой женщины придавало моему существованию мощный жизненный импульс. Так, наверное, во все времена мужчины уходили из дому на охоту и вступали в единоборство с диким зверем, зная, что добычу дома ожидает женщина, дети... Мне, признаться, очень нравилось такое стимулирование, эдакое дикарское желание сдвинуть горы, скрутить медведя, завалить мамонта, пронзить гарпуном трехпудового осетра или, на худой конец, достать звезду с неба. В последние месяцы потребность двигать камни, валить, скручивать, пронзять кого-нибудь я в себе почти не ощущал. Мощный стимул ушел из моей жизни. Вот и на этот раз я прислушался к себе, и ничего, кроме пустоты, и ничего, кроме желания поскорее уйти, не почувствовал. Что-то происходит, пронеслось в голове.

Встал, на цыпочках прошел на кухню, положил перед собой визитную карточку («*Игорь Беклемишев, телефон..., адрес...*») и, бдительно оглянувшись, набрал номер телефона. Игорь поднял трубку и без признаков удивления бодро заговорил со мной. Для начала предложил подойти к окну и взглянуть на звезды. Я подошел, отодвинул тюлевую занавеску, вдохнул гленистый запах пыли и посмотрел сквозь мутное оконное стекло на доступный обзору сектор вселенной. Там, среди звезд, на фиолетовом небе, светила яркая луна. Под нашими окнами на лавочке у миртового куста молодой парень брэнчал на гитаре и пел девушкам нечто томно-гармоничное про черные глаза. Давно забытое звучание акустической гитары всколыхнуло теплые воспоминания из давно ушедшей юности. В гитаристе не без труда узнал соседского Алешу и удивился: совсем недавно мама возила его в коляске, потом первый раз водила в школу, потом он учился ездить на трехколесном велосипеде.

Мальчика этого с раннего детства причислили к вундеркиндам. Мама наняла ему учителя музыки, – и уже через пару месяцев Леша часами играл джазовые импровизации в стиле Каунта Бейси. Потом его учили живописи, – и вскоре он уже стоял на Измайловском вернисаже и продавал собственные сюрреалистические картины на манер Макса Эрнста. Парня учили резьбе по дереву, поэзии, бальным танцам, гимнастике и серфингу, и всегда он в скорейшее время овладевал искусством, доказывал маме, что он превзошел учителя и без объяснений бросал.

Последний раз мы с его мамой встретились в лифте, где она мне сообщила, что Лешка организовал свою рок-группу «АУТ». Играют ребята собственные композиции, в которых пытаются скрестить «Нирвану» с «Пинк Флойдом». Летом АУТисты ездили в первое турне и даже заработали некоторые деньги, закупили профессиональную аппаратуру, записали в студии и выпустили первый диск. На прощанье Алешина мама достала из сумки «случайно прихваченный» диск и вручила мне, а я дома прослушал, удивляясь обилию звуковых эффектов и мощной оркестровке. Еще мне там запали в душу слова: «...а ты, бредущий по краю, желаешь себе покоя; тебе его не дожидаться, впереди у тебя пропасть...» – и в довесок хорошая порция электронного рёва с угрожающим завыванием вокалиста. Впечатляет. Да...

Эти метаморфозы с мальчиком происходили на моей памяти в течение всего-то нескольких лет, которые промелькнули для меня как миг. Как быстро вырастают чужие дети!.. И вот, гляньте на этого волосатого верзилу – «Вспоминаю, умираю – Чёрные глаза – Я только о тебе мечтаю – Чёрные глаза – Самые прекрасные – Чёрные глаза!» Глядя на хитрющую физиономию Лешки, я подозревал, что он, как сейчас говорят, «разводит лохов», вероятно с целью соблазнения девушек. Вряд ли этим тощеньким барби с голыми мосластыми животами, похожими как две капли мазута, могли понравиться его заумно-мистические композиции на тему

смысла жизни под заунывно-взрывной электронный грохот. У меня в их возрасте было нечто похожее из фильма «Аршин-мал-алан»: «Дэньги есть? – Есть, есть! – Дэньги есть, вийду я! – Ах, ты козочка моя!» Мы тоже пели эту муру, чтобы «приколоться». Впрочем, у нас многое похоже, ведь и они и мы – все относимся к одному поколению «Une generation perdu¹», да-да-да, именно «perdu»!.. Это всё промелькнуло в голове за несколько секунд, и я вернулся к голосу, звучавшему в телефонной трубке.

– Андрей, вы... Ты не хочешь выйти на прогулку? – спросил Гоша. Да, мне хотелось на воздух. Сидеть дома и пялиться в телевизор желания не было. Зато меня тянуло туда, где улыбаются и любят закатом, облаками, звездами.

Мы встретились у станции метро и побрели по тихому, полусонному скверу. Игорь сходу заговорил о звездах, о небе, о поэзии и живописи – и я подумал, что говорю с сумасшедшим. Потом переключился на историю, биологию и даже психологию – и я подумал, что он всё же не совсем сумасшедший. Он не только сыпал информацией, но постоянно спрашивал моё мнение и вызывал на дискуссию.

Мне доводилось и раньше бродить по этому скверу. Например, под мелким затяжным дождем, когда я вдруг облачался в длинный светло-серый плащ с объемным внутренним карманом для небольшого автомата типа УЗИ, выходил из дому и шагал неведь куда по дорожке сквера, огибая лужи. Мимо спешили прохожие с зонтами. Пахло листвой, цветами, весной, мокрой цветочной пылью или прибитой водой пылью. Шуршал дождь, весело попискивали невидимые птицы. ...Или даже ночью, когда я, одуревший от работы на компьютере, выходил подышать и так же прогуливался по скверу, обходя стороной тихие парочки и шумные компании любителей пива. Или просто по этой дорожке мимо лип, тополей и каштанов брёл в сторону торгового центра. Но!.. Никогда еще воздух этого сквера не казался мне в такой степени насыщенным идеями, мыслями, тайнами, наконец. И ни сквер, и уж точно ни я сам – являлись источниками этой насыщенности, а вот этот практически незнакомый мужчина, шагавший рядом.

Проголодавшись, заглянули в подвальчик кофейного клуба с ярко-красной неоновой вывеской «Спящий лев». Там среди лабиринта терракотовых кирпичных стен и перегородок витал густой запах кофе, жареного сыра, ванили и, кажется, кубинских сигар. Не подавая меню, не дожидаясь заказа, как постоянным клиентам, официант в красной бабочке принес нам по паре больших горячих бутербродов с ветчиной, салатом, помидором, тем самым пахучим прожаренным «Пармезаном» и по большой чашке пенистого черного кофе. Я со стыдом признался, что выскочил из дому без денег, у Игоря по моим прикидкам в карманах тоже ветер гулял. Сотрапезник легкомысленно пожал плечами и, продолжая рассеянно улыбаться, пробурчал что-то вроде: «Не волнуйся, вот увидишь, всё образуется».

Я прислушался к мягко звучавшим грегорианским песнопениям «Enigma», узнал «Sadness» с платинового альбома «MCMXC a.D.»:

Procedamus in pace
 In nomine Christi, Amen.
 (И пойдём мы в мир
 Во имя Христа, Аминь.)
 Cum angelis et pueris,
 Fideles inveniamur.
 (Мы найдем верующих в
 Сонме ангелов и младенцев.)
 Attollite portas, principes, vestras

¹ «Une generation perdu» (фр.) – потерянное поколение

Et elevamini, portae aeternales
Et introibit rex gloriae
Qius est iste Rex glorie?
*(Поднимите, врата, верхи ваши,
И поднимитесь, двери вечности,
И войдет Царь славы!
Кто сей Царь славы?)*

Мне нравилась эта песня, она успокаивала. Я стал собираться с мыслями, чтобы продолжить беседу, в голове моей кружились обрывки множества вопросов, но спокойно поговорить не дали: к Игорю подходили знакомые и приветствовали.

Вот из затемненного угла вышел к нам бритоголовый накачанный парень в безразмерном рыжем твидовом пиджаке и уважительно пожал руку Игорю, на всякий случай кивнул мне; подозвал официанта и сказал: «Всё, что они возьмут, запиши на мой счет».

– Игорь, – наклонился к нему бритоголовый, – ты слышал, у нас в районе уже появился первый охотник?

– Какой охотник, Василий?

– Ну ты что, «Трудную мишень» с Ван Даммом не смотрел? Там солидолы развлекаются охотой на таких как ты, одиноких, незащитных мужиков.

– Насчет «беззащитного», думаю ты преувеличиваешь. Надеюсь, если они выберут мою убогую персону, я стану для них именно тот самой «трудной мишенью».

– Ага, жди, – иронично кивнул Вася, затем нахмурился и как неразумному дитяте строго сказал: – Ты вот что, Игорь, если кого-нибудь подозрительного увидишь, заподозришь чего – сразу ко мне. Я тебя отмажу. Хакей?

– Ладненько. Спасибо за столь трогательную заботу. Это очень приятно.

– Кто это? – спросил я, когда Василий ушел.

– Официально – член ОПГ. По-простому – бандит.

– Да?..

– Ну а что такого, – пожал он плечами, – тоже ведь люди. Солдаты нынешней гражданской войны по переделу собственности. А Вася к тому же – мой сосед. Он много читает и даже что-то пишет.

– Гош, дай столик на фанту, а? – рыкнул хриплым басом седобородый мужчина в мятом чесучовом пиджаке довоенного кроя, красной футболке и безразмерных бордовых вельветовых брюках.

– Прости, Федор Семенович, – откликнулся Игорь мягким голосом. – Сегодня никак.

– Жаль, у меня под это имеется увлекательная правдивейшая история. Тогда как-нибудь при случае.

– Непременно.

– Что это за странное увлечение фантой, – удивился я, – у столь харизматического престарелого светского льва?

– А, ты об этом, – улыбнулся Игорь. – Дело в том, что вообще-то в этом клубе спиртное под запретом. Но для постоянных клиентов делают исключение. Им под видом фанты подают хлебное вино, слегка подкрашенное апельсиновым концентратом.

Из дальнего затемненного угла заведения, как леший из ночного тумана, выступил и приблизился к нам солидный мужчина с золотыми часами, сигарой во рту и так же проявил уважение:

– Отдыхаем, господа? Не хотите ли за наш столик? У нас там «сыто-пьяно».

– Спасибо, мы сегодня на скорую руку, слегка подкрепиться. Нам с другом поговорить нужно.

– Ну, что ж, значит, в следующий раз, – покладисто улыбнулся господин. – Но имей в виду, Игорь, у меня к тебе дело на сто пудов. – Он склонился к самому уху Игоря и громко прошептал: – Надо отвезти на Урал одну вещичку и получить деньги.

Потом подозвал официанта и сказал:

– Саня, счет Игоря принесешь мне. Я оплачу.

Парень в белой рубашке с красной бабочкой послушно кивнул, и затем наклонился к Игорю и сказал:

– В следующий раз можете ужинать за счет заведения. Шеф передает тебе свой респект. Благодаря твоему членству, Игорь, в клуб солидные люди стали заходить, так что у нас все в порядке! – Потом, хлопнул себя по лбу: – Да, Игорь, мне один клиент обещал достать лицензионный диск «Энигмы» – какой-то вроде бы «Королевский». Скоро принесёт!

– Спасибо, Саша, – улыбнулся Игорь, – с удовольствием послушаю.

– А это кто был? – спросил я, кивнув в сторону вернувшегося в тень господина.

– Антиквар. Начинаящий. Денег много, есть интерес, а отличить новодел от древности пока не научился. Вот я ему и помогаю.

Потом Игорь меня провожал до дому, затем я его. Пили чай у него дома, смотрели старинные фотографии, слушали песни, смотрели в телескоп. Всё это время мне казалось, что рядом родная душа, человек, которому я не безразличен. С ним было удивительно комфортно и спокойно.

Потом брели по безлюдному ночному скверу. А здесь!.. Над дремлющей землей, от недавно скошенной травы, поднимались душистые туманы. Они обволакивали темные стволы деревьев, пронизывали силуэты ветвей, сизые кудри листвы, бесследно растворялись в темном бархате неба. Там, в непостижимой высоте среди пепельных облаков сияли несметными сокровищами бриллианты звезд.

Мы, не сговариваясь, остановились и замерли в зачарованном оцепенении. Игорь стоял рядом, чуть сзади и говорил:

– Брат мой, Андрей, послушай – это важно! Бог в откровении святым поведал, что Он создал это необозримое, непостижимое великолепие вселенной для человека, любимого дитя Своего, и всё Творцом сосчитано, всё до единой пылинки, до атома.

Послушай, брат мой, ведь миллиарды звезд, галактик, созвездий, планет, спутников, комет – всё это великое многообразие создано для нас: тебя, меня и таких же как мы человек. Ты понимаешь это?

Я удивленно молчал, не зная что ответить, и только согласно кивал.

– Ты понимаешь то, что не может вместить в себя наш изуродованный грехом разум? Давай попробуем лишь слегка прикоснуться к этой очевидной тайне. Бог создал все звезды для человеков и сказал им: плодитесь и размножайтесь и населяйте этот сотворённый для вас мир. Адам и Ева имели такие тела, которые не могли повредить стихии – ни огонь, ни камень, ни вода. После грехопадения Бог одел их в кожаные ризы для продолжения жизни в смертном теле на прокаженной грехом земле. Бог на протяжении земной жизни приводит человека сквозь огонь поиска истины, покаяния, скорби, боли; омывает нас слезами раскаяния и очищает от кожаных риз смерти. После перехода в вечность человек вернется в прежнее тело, которое будет совершеннее адамова.

Новый человек вернет себе первичное предназначение – быть сыном Божиим и станет владеть вселенной на правах царского сына и наследника. Человек будет плодиться и размножаться, ему тесно станет на Земле, он станет переселяться на другие планеты, станет обживать другие звездные системы, галактики... Да, да, нашим новым телам будут покоряться огромные расстояния, любые температуры, самые жесткие излучения – ничто не сможет воспрепятствовать освоению человеком пространства вселенной.

После всеобщего суда грех будет уничтожен очистительным огнем, и будет новая Земля и новое небо, и новая вселенная. И мы, новые люди, станем владеть ею и жить в ней гораздо лучше, чем Адам в раю, потому что человек, наученный горьким опытом, будет по-особому ценить всё, что создал для него и вручил ему в дар бесконечно любящий его Бог, Творец, Отец. Ты понимаешь меня?

– Понимаю. ...Не знаю, – сказал я смущенно. – Очень хочу понять.

Домой пришел я после полуночи, но никто этого не заметил. Лора по-прежнему спала, по её красивому лицу скакали яркие блики телерекламы. Я выключил телевизор, присел на кухне, открыл дневник и кое-что для памяти записал. Так я стал невольным летописцем этого человека.

«...Однажды, в результате стечения ряда обстоятельств...» – начал я и задумался. Именно такой фразой можно было бы начать описание жизни Игоря Беклемишева, причем, с любого места. Поначалу-то мне казалось, что он неудачник из тех, у кого всё падает из рук. Ну, знаете таких недотёп: чего не коснутся, всё у них ломается. Но нет, познакомившись с ним поближе, я нащупал в его судьбе весьма стройную систему. Наиболее привлекательным показалось мне то, что его на самом деле не волновали те ценности, за которые большинство людей готовы друг друга растоптать, в крайнем случае, растолкать локтями. Такого человека не от мира сего еще называют бабочкой, одуванчиком, юродивым, или как Борис – городским дурачком. Сам он пропускать мимо ушей и мимо внимания эти малоприятные характеристики и величал себя так, как представился при знакомстве – созерцателем.

Чуть позже стало ясно что именно так привлекало меня в этом человеке. Но сначала пару слов о себе. Мне приходилось каждый день добывать хлеб насущный, с маслом и зернистой икрой – и это с некоторых пор стало моим несчастьем. Мало того, что ни придирки начальства, ни занудная работа мне не нравились, никаких перспектив на продвижение по службе и увеличение зарплаты не предвиделось. Признаться, меня это угнетало. Почти каждый день я повторял патетические слова Сатина из пьесы Горького «На дне»: «Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна – я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд – удовольствие, жизнь – хороша! Когда труд – обязанность, жизнь – рабство!»

И вдруг я встречаю человека, которому удалось вырваться из этого унылого рабства! Слова Пастернака «Надёжному куску объявлена вражда» стали для него чем-то вполне реальным. Игоря абсолютно не волновало отсутствие денег или их недостаток. Он не впадал по этому поводу в панику и не рвал на себе волосы – его «эта тема» вообще не волновала. «Да что же это! – возмущался мой зомбированный рассудок. – Как можно! В то время, как весь постсоветский народ, сплотившись вокруг партий и правительств, из последних сил строит светлое капиталистическое будущее, есть еще некоторые несознательные элементы, которые...» И мне, признаться, что-то так хотелось стать этим самым «несознательным элементом»... Но не мог! А он – Игорь – смог. «Когда я был маленьким, у меня тоже была бабушка. И я не смог загнать её в гроб. А он, – гневный жест в сторону поникшего Иночкина, – смог!»

Без сомнения, этот парень сумасшедший... Нет, неверно. Скорей всего – ненормальный. Ведь если разобраться, что такое ненормальный? Это тот, кто выходит из привычной нормы, то есть, – это или гений, или идиот. Стрелка на моей шкале отношения к Игорю металась от одного экстремума к другому, пока не остановилась посередине, на точке с нулём, круглым как открытый в недоумении рот. Так кто же вы, господин Беклемишев?

Следующим утром выспавшаяся, а потому агрессивно-бодрая гражданская жена Лариса устроила мне, вялому и малодушному от недосыпа, легкий разминочный скандал. Из произнесенного в пафосном раздражении выговора я уловил следующее: 1) она является мечтой любого психически нормального мужчины, 2) содержание такой женщины, как она, стоит

немалых денег, потому что одеваться ей положено в фирменных европейских бутиках, 3) тех денег, которые я зарабатываю, ей хватает только на самые дешевые тряпки производства Турции, 4) если я не стану зарабатывать хотя бы в три раза больше, она меня бросит и уйдет к одному из более состоятельных мужчин, от которых у неё, ну просто нет отбоя.

Смотрел я на её физиономию в красных пятнах и тупо раздумывал, что же привлекает меня в этой женщине? В те минуты затеянного ею скандала ничего нас не соединяло, кроме требований с её стороны и недоумения с моей. Голос её, который в иные моменты бывал очень приятным, сейчас напоминал скрежет пилорамы. Лицо, которым я часто любовался, искажала гримаса ненависти. Жесты гибких красивых рук выражали готовность растерзать, ударить или оттолкнуть, чтобы я побольней треснулся затылком об стену. Я чувствовал себя ребенком, на которого наехал тяжелый грузовик. Тряхнув головой и пообещав найти деньги, я малодушно отступил, чтобы выиграть время и подумать обо всём этом чуть позже, в тишине и покое.

В полдень мы встретились с Игорем. Видимо, на моей физиономии продолжали догорать всполохи пожара, устроенного Лорой. Игорь выслушал мой невнятный ропот, грустно улыбнулся, ободряюще кивнул, пообещал помочь в этой расхожей беде и потащил меня, терзаемого сомнениями, к антиквару. По дороге объяснил, что ему нужен помощник в одном деликатном деле.

Пентхауз этого дельца, как бараний бок чесноком, был нашпигован аляповатыми вещами. Даже мне стало понятно, что хозяин покупал всё, что ему казалось ценным, и посорочьи тащил домой без разбору. Но вот на зеленом сукне ломберного стола с резными гнутыми ножками появился предмет, один вид которого вызвал уважение. Хозяин посерьезнел, подтащил стул с мягким сиденьем и усадил на него Игоря. Наступила тишина, которую нарушало только едва слышное тиканье каминных часов.

Я впервые присутствовал при оценке старинной вещи и даже разволновался. Игорь сидел, закрыв глаза, и пальцами ощупывал пасхальное золотое яйцо в сверкающих камнях по синей эмали на изящной подставке. Подушечки пальцев прошлись по каждому камешку, повторили каждый едва заметный изгиб. Потом он открыл глаза и откинулся на спинку мягкого стула. Так он просидел еще минут пять. Мы с антикваром молчали и напряженно наблюдали за Игорем. О, в тот миг совсем не «городской дурачок» сидел на стуле, глядя в потолок, – маэстро!

– Да, это подлинник, – произнес Игорь отчетливо, – у меня нет никаких сомнений. Хозяев у артефакта было трое. Крови на нём, как ни странно, нет. Но, Валерий Васильевич, как вам удалось разыскать это?

– Прости, Игорь, секрет не мой, я не имею права разглашать информацию.

– Понимаю, – кивнул оценщик. – Так мне что же, этого Фаберже предстоит отвезти на Урал?

– Именно так, и сегодня же. А обратно привезти деньги. Мне! – Антиквар встал и навис над Игорем. – Скажи, что тебе для этого нужно? Самолет? Вертолет? Машину сопровождения? Машину отсечки? Взвод автоматчиков?

– Нет. Только билеты нам с моим другом на поезд туда и обратно. Ну, и на дорогу небольшую сумму, чтобы поесть-попить. Всё.

– А ты уверен, что этого достаточно?

– Абсолютно.

– Ну что ж, я тебе доверяю. По рекомендациям коллег, ты профессионал.

По дороге на вокзал Игорь протянул мне тысячу долларов аванса и вкратце объяснил свой план. В вагон поезда мы вошли вместе. Пока в купе никого не было, Игорь переоделся в выцветший спортивный костюм, а свою обычную одежду протянул мне. Я аккуратно сложил её в свою сумку через плечо и вышел будто бы подышать, смешался с толпой и отправился домой. Игорь уехал один.

Тысяча долларов, врученная мне Игорем, на какое-то время успокоила мою дорогую – во всех отношениях – подругу, и я получил временную передышку. Хотя что-то подсказывало, что после успеха эксперимента, попытки таким скандальным способом вытряхивать из меня деньги она не прекратит. И уж точно – любви у неё ко мне не наблюдалось даже в мизерных дозах. И это меня угнетало.

Дня три ходил я сам не свой. Без Игоря жизнь казалась пустой и бессмысленной. Я очень быстро привыкаю к чему-то хорошему, а когда теряю, всегда жутко переживаю. Мне кое-что открылось в Игоре, что еще больше притягивало. Во взгляде его лучистых глаз проживала такая светлая чистота, которая немо и кротко обличала человеческую нечистоту. Одних это призывало к покаянию, других бесило и сотрясало злобным страхом.

Вечером четвёртого дня меня безотчетно потянуло прочь из дому. Сначала я прошелся по скверу, внимательно прислушиваясь к себе. Нет, внутри стояло гулкое молчание, которое, в последний раз я испытывал на армейском плацу – это когда lupишь сапогами по асфальту, отбивая такт, смотришь в бритый затылок впередиидушего бойца, а в голове – ни-че-го! И тут на меня пахнуло ароматом кофе: я оказался рядом с кофейным клубом. На всякий случай проверил карманы, наскрёб несколько сотенных бумажек, прошел под горящей неоновой ярко-красной вывеской «Спящий лев» и спустился в запашистый подвал.

Там, как всегда, гудели возбужденные кофейном клубные завсегдатаи. Я замер в нерешительности, оглянулся и поискал свободный столик. Про себя отметил, что ни антиквара Валерия Васильевича, ни «солдата гражданской войны по переделу собственности» Василия сегодня тут не было. Ко мне подлетел официант Саша в неизменной красной бабочке на белой рубашке и, гостеприимно улыбаясь, предложил присесть на свободное место за столом, наполовину занятым воркующей парочкой. Не успел опомниться, как передо мной выросла тарелка с горячим фирменным бутербродом и огромная чашка с крепчайшим пенным эспрессо. Я почувствовал приступ голода и медленно, со вкусом откусил большой кусок сочного, многослойного бутерброда, сделал глоток кофе и... чуть не поперхнулся от удара по плечу.

Надо мной склонился знакомый Игоря по имени Федор Семенович. На этот раз старик оделся в белый свитер грубой вязки и широченные светлые льняные брюки. Всё-таки в чувстве стилиа, хоть и весьма своеобразного, ему не откажешь.

– Ты давеча с Гошей был, – заурчал он хриплым басом, присаживаясь на соседний стул, – поэтому я и подошел. Понимаешь, у нас с ним давняя традиция. Он мне выдаёт столтник, а я ему – правдивую историю из жизни народных масс. Тебя как зовут?

– Андрей, – буркнул я, доставая из внутреннего кармана пиджака сторублевую купюру. А про себя подумал, что светский лев, скорей всего мягко говоря преувеличивает: вряд ли Игорь так уж часто носил в кармане сторублевые бумажки.

Старик ловко выхватил из моих пальцев бежевую бумажку с восемнадцатью ногами и одной головой и поднял высоко над своей львиной гривой. Её тут же перехватил Саша и через несколько секунд принес бутылочку фанты с фисташками на блюдечке. Как у них тут всё, однако, отлажено.

– Слушай, Андрюха, и не говори, что не слышал, – зарокотал мой собеседник. – Но сначала, как новичку, – предыстория. Как вышел на пенсию, потянуло меня, знаешь ли, в народ. На старости лет до меня дошло, что, сидя в начальственном кресле главка, народа, как такового, я не знал. То есть он мне казался безликой серой массой, которая вечно мешала мне жить. А как оборотил лицо своё к людям, открылась мне безбрежное море человеческой скорби.

Федор Семенович, огладил седую львиную шевелюру, прошелся растопыренной рукой, как расческой, по густой бороде, зорко взглянул на меня, оценивая степень внимания, на при- молкшую парочку молодых людей напротив и продолжил:

– Так вот однажды пригласил меня старинный друг во Владивосток. Прислал авиабилет и дорожные. Прилетел я туда, встретился с другом, посидели, поговорили. А наутро он пошел по делам, а я отправился гулять по городу, о котором много чего слышал, но бывать там не пришлось. Великолепный город, скажу тебе, Андрюха! Бухта, крепость, пирсы, база военного флота! Там буквально всё пронизано военно-морской славой. Правда, торгашеский дух тоже стал проникать, в основном из Китая и Японии. Но, ты знаешь, меня это не очень задевало. Все-таки люди там особые – крепкие, суровые, морским ветром просолённые. Забрел я в парк, а там под бюстом дважды героя на гранитной плите с цветами сидит пожилой мужик и... плачет. Я к нему. В чем, дескать, земляк, твое горе. А он спрашивает: хочешь выпить со мной? Ну кто я такой, скажи на милость, чтобы от такого предложения отказываться! К тому же, вижу, человек-то в расстройстве. Давай, говорю, друг горемычный, поддержу тебя в сей роковой момент жизни.

Федор Семенович замолк, отпил большой глоток из смешной ярко-рыжей бутылочки, еще раз обозрел внимательным взором слушателей – меня и парочку – и, протяжно вздохнув, сказал:

– Не дали, Андрюха, посидеть нам по-человечески. Не дали!.. Только мы познакомились, только мы с Семеном завели душевную беседу, как откуда ни возьмись, вырос перед нами блюститель закона и взял под козырёк: почему нарушаем общественный порядок, с какой стати распиваем в неположенном месте? Достал мой печальный друг паспорт и протянул пареньку: читай, говорит, вслух! Тот «берет – как бомбу, берет – как ежа, как бритву обоюдоострую, берет, как гремучую в двадцать жал змею двухметроворостую – краснокожую паспортину», – он оглянулся, оценивая степень восторга публики цитатой из Маяковского, – милиционер раскрывает и читает имя, отчество и фамилию. Поднимает суровые глаза и спрашивает: ну и что? Как что, говорит, Семен, да ты на памятник-то взгляни и прочти, кому он тут поставлен. Мы с мальчиком в фуражке подняли глаза, прочли надпись золотыми буквами на граните – и остолбенели. Оказывается, мой боевой друг сидит на постаменте собственного бюста дважды героя!

Федор Семенович замолчал и снова обвел взглядом окружающее сообщество. Что сказать, слушали его с открытыми ртами, очень и очень внимательно. Старик сумел удивить!

– Сидит мой друг и, как простой смертный, нарушает общественный порядок путём распития в неположенном месте. Семен протянул милиционеру руку и говорит: подними-ка меня, сынок, что-то я сегодня затяжелел, ноги не держат. Парнишка молча поднял его и уважительно так спрашивает: может, проводить вас до дома? Нет, говорит дважды герой, ты лучше нас с другом довези до своего отделения и культурный стол накрой. Тот по рации вызвал машину и отвез нас в ближайшее отделение милиции. Объяснил начальству, кого он привез, а майор – тоже хорошим парнишкой оказался – послал сержанта в магазин, а нас с другом в свободную камеру предварительного заключения препроводил. Туда же принесли стулья, стол застелили газетками. Ну, мы с ребятами там всю ночь и просидели.

На этот раз он замолчал дольше обычного. Я обратил внимание, что уже не только я с молодой парочкой, но и сидящие за соседними столиками одноклубники обернулись к нам и внимательно слушают историю.

– Мы, конечно, спрашиваем героя, как, мол, ты две звезды-то свои получил? За какие такие заслуги? Семен сказал, что первую звезду героя Советского Союза он получил на таджикской границе. Приехал он туда к другу в гости на время отпуска. Друг попросил его обучить солдатиков меткой стрельбе, приёмам рукопашного боя и опыту выживания в условиях боевой обстановки. Посадил его на машину, выдал ему снайперский карабин СВД и отправил в такой-то квадрат. Какой не скажу и не пытайте: военная тайна! Семен приехал туда, смотрит – никого. Пусто, безлюдно. И вдруг слышит, внизу под горой голоса раздаются. Он подполз к краю обрыва и увидел, как человек десять афганцев два гроба с красными звездами на себе тащат. Семен прекрасно знал, как духи над телами наших солдатиков издеваются, поэтому к

этой похоронной процессии отнесся с подозрением. Ежу понятно, что на самой оживленной трассе наркотрафика в гробах могут быть не тела героев, а самый обыкновенный героин.

Вдруг видит мой Семен в бинокль, что навстречу этому каравану смерти издали мчится советский генерал в английском джипе. Прикинул расстояние и понял, что у него не больше трех минут, чтобы сорвать преступную операцию. В общем, взял он свой СВД и всех, кроме двоих седых аксакалов, методично перестрелял. Достал из своей машины запасную канистру, спустился, облил бензином и поджег героин в гробах. Схватил аксакалов за бороды и вытащил на гору, связал и посадил в машину. А тут как раз генерал подъехал. Афганцы показали на него пальцами закричали: это он, мы ему героин везли на продажу – нас не убивай, его убивай. Наш Семен взял генерала под прицел СВД и, не обращая внимания на начальственные вопли, достал из английского джипа и переложил в свой УАЗик чемодан с долларами. Потом связал генерала и вместе со свидетелями и деньгами доставил в штаб гарнизона.

Кончилось всё, как ни странно, хорошо. Семен сказал, что ему Бог помог. Могли бы его убить, деньги разделить, инцидент с генеральским проколом замять... Но вышло всё по-другому. Нашему Семену присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

– А вторую звезду где он получил? – спросил хор слушателей. Уже трое мужчин подняли руки с бежевыми банкнотами с символом балета – множеством ног и единственной головой. Саша в красной бабочке в момент «состриг купоны» – и вот целая батарея бутылочек ядовито-оранжевого напитка выстроилась перед рассказчиком.

– Вторую звезду – Героя Соцтруда – он получил на Олимпиаде. Сначала взял Семен золотую медаль по стрельбе. А потом ему начальство сборной говорит: выйди на ринг, положи противника и получишь звезду героя. Вышел. Победил нокаутом. Получил вторую звезду – Героя Социалистического Труда. А за это, сами понимаете, положена установка бронзового бюста на родине дважды героя.

– А почему он на своем памятнике плакал? – спросили совсем уж молодые и наивные, поднимая руки с купюрами вверх.

– Эх, молодежь! – вздохнул пенсионер, печально глядя на них. – Потому что на старости лет, – прорычал Федор Семенович, – наш дважды герой стал нищим и бездомным.

Завершающие звуки последней фразы заглушило отборное сквернословие мужчин, которых вовсе не стесняли в выражении эмоций присутствующие здесь дамы...

Много чего наговорил с расстройства старик, но, правда, без выражений, да.

Интересно, думал я, сидя дома за столом и записывая в дневник впечатления прошедшего дня. Интересно, услышал бы я эту историю, если бы не был знаком с Игорем? Скорей всего, нет. По всему выходит, что моя встреча с таким человеком, как господин Беклемишев, была predetermined в высших сферах. И это, по всей видимости, не что иное, как знак начинать книгу.

К вопросу о поиске сокровищ

Спустя несколько дней сидел я в кабинете заместителя управляющего банка «Антик-золото» Валерия Васильевича и ждал звонка Игоря. Антиквар нервно бегал по кабинету и был готов растерзать Игоря, меня и всё живое, что попадётся под руку.

– Я говорил ему, возьми спутниковый телефон, возьми группу сопровождения! Предлагал этому недоумку бронированные джипы, автоматчиков. А этот недотёпа один!.. Нет, ты представляешь, один повез полтора миллиона долларов в грязном железнодорожном скотовозе!

Минуты тянулись до ужаса медленно. Казалось, вся атмосфера этого огромного кабинета наполнилась не только резким запахом пота и брызгами слюны, но и тёмными вихрями жадности и страха, которые душили хозяина, кололи сотнями ледяных иголок меня и беспрепятственно растекались по всему зданию, выползая на улицу. Вдруг в моем сознании мелькнула картинка: Игорь сидел у окна своего купе и, благодушно рассеянно улыбаясь, смотрел за окно на проплывающие пейзажи Москвы. Это несколько успокоило. Меня, но не хозяина. В который раз пробормотал я «не волнуйтесь, все будет хорошо, вот увидите», Валерий Васильевич скользнул по мне негодующим взглядом и в который раз угрожающе кивнул огромной лысоватой головой. Мне стало жаль этого человека: деньги доставались ему слишком дорогой ценой. Я бы, например, не очень-то удивился, если бы он схватился за сердце и рухнул на дорогой персидский ковер, или, скажем, посинел и с пеной на губах забился в эпилептических судорогах в своем роскошном кожаном кресле.

Наконец, зазвонил телефон. Хозяин кабинета метнулся к нему, как ягуар на кролика, и включил громкую связь.

– Валерий Васильевич, я уже сошел с поезда, – раздался спокойный голос Игоря, – минут через десять встречайте меня у входа в банк.

Мы выскочили из кабинета, спустились по лестнице и встали на ступенях парадного подъезда. Следом за нами на улицу вышли двое крепких парней в черных костюмах и рубашках и замерли по обе стороны от шефа, перемалывая мощными челюстями жвачку. Их правые руки по-наполеоновски лежали за отворотами пиджаков на оружии в наплечной кобуре, выражая тем самым готовность пристрелить любого, кто покажется им подозрительным. Банкир по-прежнему ругался, как заезженная грампластинка, повторяя что-то про автоматчиков, группу сопровождения и машину отсечки, нервно ходил туда-сюда по тротуару, сипло вздыхая... «Люди в черном», оставаясь на верхней ступени, рыскали глазами по окружающему пространству, высматривая потенциальную цель для открытия огня на поражение.

Я же в это время наблюдал странное зрелище: из подземного перехода вышел потрёпанный мужичок маргинальной внешности в линялом спортивном костюме. Его неопрятные длинные волосы торчали во все стороны, по обросшей щетиной физиономии блуждала улыбка тихопомешанного, поэтому вряд ли опасного, человечка. В руках его болтались, задевая прохожих, две сетки-авоськи, набитые мятыми пожелтевшими газетами. Он смотрел на небо, разглядывал голубей на крышах домов, слегка жмурился от солнца и совсем никуда не спешил.

Наконец, мужичок поравнялся с нами, остановился, положил авоськи у ног банкира и голосом Игоря Беклемишева сказал: «Валерий Васильевич, ваше поручение выполнено». Пожалуй, я не стану цитировать то, что сказал антиквар, когда увидел, завернутые в мятые газеты полтора миллиона долларов, валяющиеся на заплыванном жвачкой асфальте...

Дальше была скучная процедура пересчета денег в кассе под судорожное бульканье виски в глотку банкира, который не уставал поучать нас: «Деньги, ребятки, в нашем мире дают человеку свободу! Если хочешь быть свободным, необходимо зарабатывать много-много денег!».

И, наконец, мы с Игорем вышли из мрачного здания банка на улицу. Спустились по лестнице на тротуар и уже порядочно отошли от банка, направляясь в метро, а нам вслед сипло кричал и кричал возбужденный банкир-антиквар: «Ну ты, Гошка, и лох! Ну ты и гений! Да чтобы я еще раз!.. Да чтобы я с тобой хоть раз! Псих сумасшедший!» Но мы его не слушали, нам было не до него. Нас окружали ярко-бордовые всполохи роскошного заката, а в наших карманах лежало по пятнадцать тысяч долларов – так распорядился Игорь, а я лишь подчинился его решению. Еще Игорь посоветовал не показывать и не отдавать Ларисе деньги. На вопрос почему, ответил туманно, мол, сам скоро поймешь.

Разумеется, в тот вечер мы долго разговаривали. Во-первых, Игорь мне пояснил свою систему перевоза ценностей. Главное не привлекать внимание криминальных элементов. А кто может быть менее привлекательным, чем нищий пассажир без серьезного багажа с хламом в авоськах. Во-вторых, объявил, что всё это ерунда, прах и суета. Главное, чем он занимался в дороге, – это созерцание. И если первую часть своего рассказа он озвучивал монотонно, безжизненным голосом, то вторую – взволнованно, как важное открытие, а глаза его сияли. Меня эта тема очень интересовала, поэтому я попросил его как можно больше рассказать об этом загадочном явлении.

Игорь обрушил на мою бедную голову ливень цитат. Я слушал, почти не вникая в суть, просто открыл этому сердце и впустил внутрь поток слов, которые казались мне корпускулами божественного света. Потом он порылся в книжных рядах, достал несколько фолиантов, потрепанную общую тетрадь и протянул мне для изучения теории. Потом он рассказал о поиске Точки покоя. Прежде чем начинать её поиск, мне надлежало очистить душу от грехов в таинстве исповеди. Потом отречься от мира страстей и полностью положиться на волю Божию. Конечно приучить себя к ежедневной молитве и еженощному посещению церкви с регулярным причастием. Ну а уж потом, не спеша, непрестанно и упорно искать эту самую таинственную Точку покоя.

– А это не разрушит мою жизнь? – малодушно поинтересовался я.

– Нет, что ты! Такой образ жизни не разрушает, а созидает. Ведь что нам с тобой сказал Господь? «...Не заботьтесь и не говорите: что нам сеть? или что пить? или во что одеться?... потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф 6,31–33). То есть, наше дело, человеческое, служить Богу, в первую очередь молитвой, а остальное Он сам так устроит, что и беспокоиться не придется.

– А помнишь, чему нас учил антиквар? Что-то вроде: деньги дают свободу. Разве не так?

– Давай попробуем и с этим разобраться, – сказал Игорь. – Вот смотри. Антиквар имеет много денег, а разве можно сказать, что он свободен от болезней, голода и холода? А возьми самый ужасный страх богатых людей – потерять состояние. Ты же видел, как он ожидал деньги, которые я доставил ему?

– Да, он был на грани истерики или даже припадка, – кивнул я.

– А ведь теряют деньги очень многие. У меня есть знакомый по имени Гарик. Он еще в девяностом заработал свой первый миллион. Я тогда сводил его с людьми, которые занимались валютой. В те времена, хоть валюта уже ходила по рукам, но статью за незаконные валютные операции никто не отменял, и грозила та статейка серьезной карой «вплоть до расстрела». Да, Гарик купил у них миллион долларов! И что? Звонит недавно и просит полсотни рублей опохмелиться. Во-первых, он никогда не пил: у него с детства язва и больное сердце. А во-вторых, что за мелочная просьба для миллионера? Оказывается, отобрали у него всё до нитки, до копейки, даже квартиру и загородный дом отняли. Ну и запил наш эксмиллионер вчёрную. Вот так. У нас в стране можно заработать состояние за месяц, а потерять за один день. Ну и о какой свободе богатых людей можно говорить? Иллюзия!

– Похоже на то, – кивнул я.

– А знаешь, давай попробуем мысленно пожить в богатстве, – предложил Игорь, загораясь идеей. – Это должно быть очень интересным.

– Что ж, давай, – согласился я. Мысли моего собеседника представлялись мне непредсказуемыми, но потому и занятными.

– Итак, начнём, – сказал он и откинулся на кресло, прикрыв глаза. – Ты оказался в нужном месте и в нужное время... Да, это очень важно в подобном деле. Заработал первичный капитал на какой-нибудь шальной сделке, допустим, на посредничестве по продаже ста тысяч тонн цемента. Затем один очень умный человек предложил тебе вложить деньги в акции «Газпрома». Со временем цена твоих акций выросла в сотни раз. Часть вырученной прибыли ты, опять же по совету того же умного дядечки, вложил в жилищное строительство. Получил прибыль и на перепродаже домов. Твой капитал за три года вырос до ста миллионов долларов. Теперь у тебя есть налаженный прибыльный бизнес, офисы и квартиры в центре Москвы, Парижа и Лондона.

– При таких деньгах я серьёзно занялся своей внешностью, – подхватил я течение мысли. – Накачал мышцы, сделал пластическую операцию лица и стал писанным красавцем. Ко мне потянулись длинноногие красотки из лучших модельных агентств. Я с ними путешествую на собственной яхте и личном самолете по самым красивым уголкам земли.

– Да, ты уже посетил страны Европы, объездил всю Северную и Южную Америку, пляжи Карибов, чудные острова Океании, пострелял носорогов и леопардов на Африканском сафари, познакомился с аборигенами Австралии и вежливо отказался от поедания живых червей и кузнечиков... Ты продегустировал лучшие вина всех стран, самые выдержанные коньяки, ром и виски. Перепробовал мясо и рыбу, овощи и фрукты – в самых изысканных блюдах.

– Я поездил на самых дорогих и мощных автомобилях, – продолжил я. – Поднимал паруса роскошных яхт и летал по океанской волне на самых быстроходных судах. В моих объятиях побывали лучшие красотки всех цветов кожи. Перезнакомился со знаменитыми актерами, политиками, учеными...

– И в один хмурый ненастный день проснулся поздним утром... – кивнул Игорь.

– Разбитым, похмельным, истасканным... – добавил я.

– И смертельно усталым... – дополнил он.

– Тело болит всюду, – мрачно изрёк я, – а в душе такой чернуший мрак, что единственный выход – пустить пулю в лоб... или глотнуть цианид с приятным вкусом абрикосовых косточек... ну, в крайнем случае, лечь в теплую ванну и острейшей зольингеновской бритвой полоснуть по запястьям обеих рук.

– Но перед тем, как решиться на последний поступок в жизни..., – медленно произнес Игорь и повёл рукой: продолжай.

– ...Я вспоминаю свой жизненный путь и прихожу к печальному выводу: с тех пор как я заработал миллионы, меня будто большую белую акулу окружали одни прилипалы. Они не могли любить, дружить, говорить по душам о смысле жизни. Цинизм, пошлость и вымогательство – вот всё, на что они способны. А мне с ними всегда было тоскливо и одиноко. И от этой пустоты я трусливо сбегал в омут алкоголя, кокаина, экстремальных приключений... Но каждый день такой бессмысленной жизни всё глубже загонял меня в трясиину отчаяния. Много раз подумывал я о перемене образа жизни...

– ...А тот, кто позволил тебе попользоваться временными игрушками, душу твою вечную цепко держал в черных когтистых лапах и считал её своей собственностью. Ведь он крестил тебя кровью твоих конкурентов, а в обмен на временные игрушки, востребовал у тебя вечную душу! И ты стал его рабом. Так где тут свобода?

– А есть ли она вообще?

– Есть, – кивнул Игорь. – Господь, создавая человека, ограничил Своё всемогущество, в пользу свободы любимого Своего создания. Вот смотри: любой человек в любой момент может сказать прямо в лицо Бога: я отвергаю Тебя! И Господь позволяет этому быть. Мог бы Господь чисто теоретически пресечь любую попытку такого бунта? Конечно! Но Он этого не делает. Потому что только свободный человек способен любить. Раб может из-под палки подчиняться, тихо ненавидя хозяина. А сын Божий имеет возможность по собственной воле прийти к Отцу или... отвергнуть Его. Именно поэтому только Господь, даровавший свободу, как величайшую святыню оберегает свободу человеческую. А враг человеческий всегда старается отнять у него эту святыню, повязать человека цепями долгов, обязательств, страстей разной масти, короче – сделать человека своим рабом. Итак, свобода только у Бога и с Богом! Только так и не иначе.

– Здорово, – сказал я. – Мне это нравится.

– Итак еще и еще раз! – возвысил он голос, – Это очень важно – иметь безукоризненную веру в то, что сказал нам Господь: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам»!

– Всё-всё?

– Да! Вот ты скажи мне, Андрей, – он внимательно смотрел мне в глаза, – чего ты хочешь в жизни?

– Ну, не знаю, – протянул я, застигнутый врасплох. – Наверное как все, хорошую верную жену. Ну, чтобы, конечно любовь у нас была. Детей хочу. И чтобы в деньгах не нуждаться. Но при этом, неплохо бы иметь свободное время, чтобы заниматься творчеством. Я, видишь ли, вижу себя в будущем писателем.

– Хорошо, – кивнул ободряюще Игорь, – а где бы ты хотел жить? Можешь описать то место, где тебе было бы хорошо и приятно?

– Мне почему-то кажется, что лучше всего мне подошел бы юг. Ну, может, какая-нибудь тропическая страна или наше черноморское побережье, Крым... Наверное, это так, пустые мечты?

– Не скажи, брат. А ты не задумывался, какой он – рай? Тебе не кажется, что в нашем земном представлении южные красоты – море, горы, деревья, цветы – всё это как-то подсознательно ассоциируется у нас с раем.

– Знаешь, Игорь, кажется. Или даже так: я в этом уверен.

– А теперь послушай, что мне видится в твоём будущем. Всё это у тебя будет! Не могу сказать когда и в каком виде, но обязательно ты получишь всё, что желаешь. Ведь твои пожелания не так уж несбыточны. Мне они представляются вполне естественными. И знаешь, ты их заслужил. Всё будет. По нашим с тобой молитвам. И созерцание будет.

– А почему созерцание?..

– А потому что молитва без созерцания Бога мертва, холодна и бесплодна. Это как шепот в темноту, никому и никуда. А когда человек созерцает Бога, его молитва превращается в живое общение твари с Творцом, сына с Отцом. Понимаешь? Это придет потом, обязательно придет к тебе с живым опытом. Поверь, брат мой, это созерцательное общение с Богом Любви ненасытно и удивительно прекрасно! Ты веришь мне?

– Да, Игорь, верю. И очень хочу этому научиться. Ты не представляешь, как мне надоела моя нынешняя жизнь! Она бессмысленна, как у скота, которого откармливают, чтобы отправить на бойню.

– А это означает только одно, – сказал он полушепотом, – ты, брат, уже избран, внесен в список гостей и приглашен на пир. Тебе надо лишь помыться, одеться во все чистое, прийти и сесть за праздничный стол. И созерцать!..

На следующий день Игорь приготовил меня к первой исповеди. Я перебрал жизнь от самого детства до последнего часа по дням и написал на листочке бумаги огромное количе-

ство грехов. Довольно часто переспрашивал: неужели и это грех, неужели и это нельзя? Какая чистота требуется от нас, сейчас и навсегда! Пока я этим занимался, то страх, то отчаяние, то брезгливость к самому себе накатывали на меня мутной тягучей волной. Чем дальше, тем больше я ощущал себя грязным, смердящим дикарём, не знающим ни мыла, ни горячей воды. Меня сильно тянуло в церковь, к священнику, чтобы всю эту грязь из души выскрести и отмыть до полной чистоты. Наконец, мы с Игорем вышли из дому и дошли до церкви, я встал в очередь исповедников и погрузился в предчувствие близости чего-то очень хорошего и светлого.

Передо мной стояла молодая семейная парочка. Они склонили головы и напоминали нашкодивших детей, пришедших к суровому отцу для получения подзатыльников. Когда подошел мой черед, я со стыдом и страхом, на негнущихся ногах, подошел к аналою. Несколько секунд, показавшиеся мне часами, я молчал, проглатывая спазм в горле и преодолевая острое желание развернуться и сбежать, потом, наконец, набрался смелости, чужим голосом прочел список своих преступлений и сжался от приступа страха. Священник успокоил меня, полупшепотом задал несколько вопросов и... назначил мне епитимию: поклоны и чтение покаянного канона в течение ближайшей недели. «Приготовься к причастию, в следующую субботу вечером еще раз исповедуешься, а в воскресенье я тебя причащу», – сказал он.

Вышел я из храма в таком состоянии, как застарелый грязнуля впервые из бани. Только еще лучше. Меня словно облил яркий весенний свет. На улице смеркалось, нас с Игорем окружала толпа прохожих. Я смотрел на мужчин, женщин, детей, стариков, птиц и собак – мне они казались родными и близкими. Ни тоски, ни печали, ни страха, ни раздражения! Только любовь, только желание всех обнимать и прощать, а еще непременно каждому рассказать, как мне хорошо и легко! Любовь – незнакомая до сих пор, светлая и мощная, как луч света из прожектора, тихая и трепетная, как огонек свечи, как улыбка ребёнка или бабушки, восторженная, как птичье щебетанье – затопила меня с головы до пят...

Да, были потом ежедневные чтения канона, земные поклоны до боли в спине, голодный пост, увлекательное чтение жития святых. И, наконец, я причастился. В тот воскресный день кровь Христа пролилась на мой язык и заструилась по моим кровеносным сосудам, в то мгновение плоть Спасителя сладким комочком без остатка растворилась у меня во рту и стала прорастать во мне невидимым божественным огнём...

В тот счастливый воскресный день я стал другим. Во мне будто ожили, проснулись и запульсировали свежими струями алой крови токи обновления всего моего существа. Это происходило невидимо, но ощутимо: то одна позорная страсть, то другая, то дурная привычка, то дежурный грешок вдруг отмирали и спадали с тела души, будто засохшая висячая бородавка или бесследно исчезали, как затянувшийся уродливый шрам. Я оглядывался назад, на пройденный путь, возвращался в нынешнее состояние и понимал, что в моей жизни произошло невиданное и неожиданное открытие: я стою в безбрежном океане богатств, непомерной роскоши, сверкающих драгоценностей – и могу всем этим пользоваться без ограничений. Бери, сколько сможешь унести.

А однажды ночью, прекрасной теплой ароматной лунно-звездной ночью, я впервые молился настоящей живой молитвой. Она рождалась сама в глубине души, разливалась по всему телу и выплескивалась из гортани наружу в виде шепота. Потом я накинул шерстяной свитер и вышел на балкон. В груди, там, где пульсировало сердце, только гораздо глубже, настолько глубже, насколько выше человека небо и то, что превыше небес – там, на невысказанной глубине души, я увидел свет.

...Как-то в детстве меня возили в деревню. Во дворе дома стоял колодец глубины поразительной. Я ложился грудью на сруб и со страхом заглядывал вниз, в гулкую, сырую глубину. Вода голубым озерцом плескалась далеко-далеко, глубоко-глубоко, среди черных бревен, в черной глубокой дали. Оттуда, от поверхности колодезной воды, сквозь страшный-престраш-

ный мрак, сиял голубоватый свет неба. Так и сейчас из глубины моей души сиял золотисто-голубоватый свет, отражающий сверкание невидимого солнца, круглого диска луны и россыпи звезд на небе. Я сидел неподвижно, опасаясь нарушить это дивное состояние светлого покоя.

Нет, мне еще далеко было до того, что описывал Игорь. Он созерцал невидимого и непостижимого Бога, а я лишь отсветы Его божественной любви, рассыпанные по бесконечным далям созданной Им вселенной. ...И как часть этого Божиего мира, наблюдал таинственный отсвет в самом себе. «Бог, когда смотрит с отеческой любовью на человека, не замечает его ущербности, но видит Своё отражение в глубине человеческой души», – вспомнились вдруг слова из того бурного потока, излитого на меня Игорем. Наконец, прохлада ночи проникла внутрь, я ощутил холод, легкий озноб, встал и покинул балкон.

В комнате, в полной темноте, я нечаянно наткнулся на что-то теплое и упругое. Вспыхнул торшер, и я увидел сидящую в кресле Ларису, закутанную в шерстяной плед. Мне очень хотелось с ней поделиться радостью открытия, рассказать о таинственном свете. ...Но она опередила меня и зашипела, как змея. И снова на мою голову посыпались упреки, обвинения, оскорбления. «Всё, – мелькнуло в голове, – оплаченный тысячью долларов покой закончился». Я слушал злобные черные слова и нимало не огорчился – свет из глубины души успокаивал привычные возмущения души. Поэтому когда Лариса в приступе ярости пригрозила завтра же уйти от меня, я ответил: «Конечно, Лариса, уходи. Ты права. Мы с тобой не пара». И прилег на диване в гостиной, и погрузился в покойный сон, со счастливой улыбкой на лице. Таинственный свет продолжал во мне жить и радовать тихой, безмятежной радостью.

Утром женщина снова пыталась меня образумить новыми оскорблениями. Прощения она у меня не попросила. Обычно такие приступы кончались тем, что я отдавал всё «заработанное тяжким непосильным трудом». На этот раз, я не чувствовал потребности сносить унижения, тратить деньги на тряпки, не цеплялся за её красоту, тем более, что маска злобного тролля снова искажала чистые линии лица, делая его отталкивающим. Ночью мне посчастливилось увидеть красоту ни с чем не сравнимую. И испытал радость намного выше тех кратких мгновений телесных удовольствий, которыми она меня изредка привлекала, а чаще шантажировала.

Молча достал из кладовки её чемоданы, взял с тумбочки у входной двери её комплект ключей, отцепил два своих ключа и невозмутимо сказал: «Ты права, тебе нужен другой мужчина. Из тех, кто не даёт тебе проходу. Я не такой. Прости!» Еще с полчаса, пока она собирала вещи, мне пришлось выслушивать оскорбления. Сколько же злобы, оказывается, живет в этой женщине, с виду такой приятной! Внутри же себя наблюдал я полный покой. В ту минуту вспомнил совет Игоря не давать ей денег, мол, всё сам попозже узнаешь. Вот и узнал... Напоследок она обозвала меня самыми грязными словами, которые имелись в её лексиконе, и изо всех сил грохнула входной дверью. Я облегченно вздохнул и почувствовал свежую, как утренний ветерок, радость освобождения!

Стоило мне вернуть себе холостяцкий статус, как уже через неделю об этом узнали мои друзья. Кто-то напрашивался в гости, чтобы погрузиться в ядовито-сладкие объятия тов. Бахуса; кому-то нужна была квартира «на пару часов»; случались такие, кто просились пожить на неопределенное время. Как мог, я отказывался, ссылаясь на кучу работы. На самом деле я нуждался в уединении, чтобы разобраться с самим собой.

Зашел ко мне Игорь. Внимательно посмотрел на мою унылую личину и тактично опустил глаза. Посидели за чаем, помолчали.

– Знаешь что, – сказал друг, – давай-ка, брат, собирайся. Возьми с собой только самое необходимое. Мы с тобой поедem к нашему старику на дачу. Он утром позвонил мне и пригласил в гости.

– Но я..., как это..., у меня работа, дела, – промямлил я в бессознательном смятении.

– Не думай ни о чем, Андрей, поехали. Всю ответственность беру на себя. Помнишь, я обещал тебе, что плохо не будет? Вот заодно и проверишь на практике правоту моей веры.

На всякий случай я все-таки взял с собой рабочий ноутбук с интернет-коннектом. В метро добрались мы до Белорусского вокзала, купили билеты до Звенигорода. До отправления ближайшей электрички оставалось минут сорок. Вышли мы на площадь перед вокзалом, оглянулись, увидели ряд палаток, купили в дорогу пирожки, баночный кофе и прошли на платформу. Вагон заполнился лишь наполовину. Мы удобно расположились у окна напротив друг друга, чтобы можно было снять кроссовки и протянуть ноги на сиденье рядом с другом. На соседние места устроилась пожилая пара в походной одежде цвета хаки с клетчатыми китайскими сумками и зачехленными лопатами – видимо, дачники.

Достали мы книги, пирожки, откупорили банки с кофе. Оказывается, это очень уютно и даже комфортно ехать с другом, перекусывать, читать, разглядывая бегущие за окном зеленые поля, перелески, селения, реки. Прихватил я в дорогу книгу Игоря с вложенной тетрадкой. Открыл и принялся старательно вчитываться в плотный текст без абзацев, но с большим количеством ссылок, которые занимали порой больше половины объема страницы. Минут через сорок я понял, что смысл прочитанного ускользает от моего сознания. Вроде бы каждое отдельное слово понятно, даже предложение удавалось понять, но, одолев полстраницы, я со стыдом признавался, что время и силы потрачены зря. Я склонился к Игорю и прочел ему вслух:

«Непостижимой и неопределимой в своих истоках, в своей вечной основе духовной жизни, простой и единой в своем существе – мы не знаем имени. Быть может кто-нибудь назвал бы эту область сверхсознанием, но слово это и непонятное и ничего не определяющее, кроме соотношения между рефлексивным сознанием и тем миром, который выходит за пределы его. Из этой неопределимой области, переходя в сферу, подлежащую уже нашему внутреннему наблюдению и даже известному контролю, духовная жизнь выявляется двояко, а именно: как духовное состояние или переживание, и как догматическое сознание. Эти два аспекта, различные и как-то даже раздельные в своем «воплощении», т. е. в своем оформленном выявлении в нашей эмпирической жизни, по существу своему есть единая нераздельная жизнь. В силу этого – всякое аскетическое действие, всякое духовное состояние неразрывно связано с соответствующим ему догматическим сознанием.»

Оторвался от книги и спросил:

– Ты полагаешь, Игорь, мне это действительно необходимо?

– Помнишь знаменитые слова украинского философа Георгия Сковороды: «Спасибо Господи, что Ты создал все нужное нетрудным, а все трудное – ненужным»? – спросил Игорь, и длинный указательный палец его коснулся вложенной в книгу тетрадки. – Попробуй это почитать.

Я открыл тетрадь и глаза легко побежали по аккуратным рукописным строчкам:

«Епископ Илларион (Алфеев) «Таинство веры»:

...в Библии содержится два ряда текстов, как бы противоречащих друг другу: один отрицает возможность боговидения, другой, напротив, утверждает, что в этом видении и заключается высшее предназначение человека. К первому ряду, в частности, относятся слова Бога Моисею: «Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых». Ко второму ряду относятся ветхозаветные и новозаветные повествования о встречах Бога с людьми, в частности слова Иакова «я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя», рассказ о Моисее, который видел Бога «лицом к лицу» и беседовал с Ним, «как друг с другом», а слова Иова, который твердо верит в возможность боговидения: «Я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам, мои глаза, не глаза другого – увидят Его», и его слова в конце книги: «Я слышал о Тебе слухом уха, теперь же глаза

мои видят Тебя». Сюда относятся также слова Христа «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Апостолы Иоанн и Павел пишут о конечных плодах усыновления Богу, когда мы «увидим Его, как Он есть» и не через тусклое стекло, а «лицом к лицу».

В творениях Святых Отцов тоже присутствуют оба мотива: утверждается невидимость и неприступность Бога и вместе с тем ясно говорится о возможности видеть Его. Преподобный Симеон Новый Богослов, например, горячо полемизирует с теми, кто усматривает в словах апостола Иоанна «Бога не видел никто никогда» указание на невозможность боговидения. Он пишет, что его идейные противники, услышав от него о видении Бога, «тотчас изменяют выражение лица и отворачиваются, как будто услышав нестерпимое богохульство. Потом, приняв кроткий вид... отвечают: «И кто же посмеет сказать, что он когда-либо видел или всецело созерцал Бога?.. Ведь сказано: Бога не видел никто никогда». О помрачение! Кто это сказал, ответь мне? – Единородный Сын, – говорит, – Сущий в недрах Отца, Он явил». Правду говоришь, и свидетельство твое истинно, но только оно против твоей души. Ибо если я покажу тебе, что Тот же самый Сын и Бог говорит, что это возможно – что тогда скажешь? А Он говорит: Видевший Меня видел Отца. И это сказал Он не о видении Его тела, но об откровении Его Божества».

Утверждение о невозможности видения Бога преподобный Симеон называл самой худшей ересью, совмещающей в себе все существующие ереси.»

Здорово! Наконец, я читал то, что мне представлялось нужным, и это «нужное» воспринималось легко и просто. Так вот оно что! Тема созерцания на протяжении веков занимала умы людей, идущих к Богу. К Богу не абстрактному, будто это некая схоластическая идея, а к Богу живому, осязаемому и... зримому. Я живо представлял себе этих лукавых фарисейчиков, которые «тотчас изменяют выражение лица и отворачиваются», а потом «приняв кроткий вид» вопрошают: «кто же посмеет сказать, что он когда-либо видел или всецело созерцал Бога?..» Мне это было знакомо из личного опыта. Помнится, и меня вопрошали томные дамочки подобным образом: «Если Бог – Дух, который живет не в рукотворных храмах, что же вы, православные, ходите в церковь?»

«...Он утверждал, исходя из собственного опыта, что Бог открывается человеку и становится видимым, причем не в будущей жизни, но уже здесь, на земле: «Откуда я знал, что Ты являешь Себя приходящим к Тебе, еще пребывающим в мире?.. Откуда я знал, Владыко, что Ты, будучи невидимым и неместимым, бываешь видимым и вмещаешь внутри нас?.. Ибо слыша, как Твои проповедники говорили об этом, я полагал, что это бывает в будущем веке и только по воскресении, и не знал, что это и теперь... совершается».

Каким образом невидимый Бог может быть видим, и как с Неприступным можно общаться? Не устраняя изначальной антиномичности проблемы боговидения, святитель Григорий Палама разрешает ее при помощи различения между «сущностью» (ousia) и «энергией» (energeia – действие) Бога: «Божественная сущность приобщима не в самой себе, а в своих энергиях». Он пишет: «Сущность Божия непричастна и некоторым образом причастна. Мы приобщаемся Божественного естества и вместе с тем несколько его не приобщаемся. Итак, нам нужно держаться того и другого утверждения». Сущность Божия остается цельной и неизменной, и божественная благодать не является изливанием сущности Бога, но проявлением Его энергии. И человек, созерцая Бога, не сливается с сущностью Созерцаемого, а становится причастным Его энергии.

В этом контексте понимается повествование о Моисее, который не мог увидеть лицо Бога, но мог увидеть «Бога сзади»: «[Моисей] сказал: «покажи мне славу Твою». И сказал [Господь]: «...Я проведу пред тобою всю славу Мою... лица Моего не можешь тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых... когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду; и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо»». «Лицо Бога» – это

Его сущность, которая невидима и непреступна, а «увидеть сзади» означает приобщиться к Его энергии. Впрочем, боговидение в Ветхом Завете было частичным и неполным, в Новом Завете оно полнее и ярче: люди видят лицо Христа, воплощенного Бога. Об этом апостол Иоанн говорит: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил», то есть Сын Божий открыл Бога людям, сделал Его видимым.»

Опыт боговидения для человека является столь личным и сокровенным, что редко кто из святых говорил о нем подробно. Апостол Павел ограничился несколькими фразами о неизреченных глаголах, которые «человеку нельзя пересказать». В этом смысле исключительным и единственным во всей святоотеческой литературе представляется преподобный Симеон Новый Богослов (XI в.), который в своих произведениях с невиданной дотоле откровенностью рассказал о встречах с Богом, о тайнах созерцания, о многочисленных видениях и откровениях, которые он имел. Преподобный Симеон часто во время молитвы созерцал Бога как свет:

*Что за новое чудо совершается ныне?
Бог и ныне желает быть для грешников зримым...
Среди ночи глубокой, среди тьмы беспросветной
С изумленьем и страхом я Христа созерцаю.
Небеса отверзая, Он нисходит оттуда,
Со Отцом мне являясь и Божественным Духом.
Он один, но в трех Лицах:
Три в единстве всецелом,
Трисвятое сиянье в трех Божественных солнцах.
Озаряет Он душу ярче солнца земного,
Просвещает Он светом помраченный мой разум...*

В «Гимнах» преподобный Симеон говорит о том опыте боговидения, о котором апостол Павел не смог или не захотел сказать:

*Опять мне ясно светит свет, опять его я вижу,
Он отверзает небеса и ночь уничтожает...
Ко мне нисходит свет с небес и выше всех возносит:
Я, находясь среди всего, вдруг вне всего поставлен.
Не знаю – в теле, или нет – но там я пребываю,
Где светит свет один простой, который созерцая
Я тоже становлюсь простым, незлобивым и кротким.*

В учении преподобного Симеона нет ничего, что не было бы известно Святым Отцам прежних веков; он не создал «нового богословия» в смысле догматических новишеств: новизна его богословия в том, что он огласил, сделал явным и изъяснил сокровенный опыт боговидения, о котором никто до него не дерзнул говорить столь прямо. Божественный свет, который он созерцал, не имеет ничего общего с обычным земным светом: это нетварный свет, являющийся, как о том учил спустя три столетия после Симеона святитель Григорий Палама, энергией Божества. Этот свет осиял апостолов на Фаворе, этот же свет был явлен Моисею на Синае и назван мраком. Если Синайский мрак и Фаворский свет по природе одно и то же, будучи и тот и другой энергией Бога, то различие между ними должно заключаться в степени «интенсивности» Божественного присутствия: ветхозаветный праведник был покрыт десницей Божьей и не мог видеть лицо Бога, а только видел Его «сзади», апостолы же созерцают сияющее лицо Христа. Преподобный Симеон почти никогда не пишет о мраке, а всегда о свете: он созерцал Бога лицом к лицу и общался с Ним без всяких преград.»

Я уже любил замечательного Симеона, мистичного Григория Паламу, верного много-страдального Иова и благодарил епископа Иллариона за открытие мне этих светоносных монахов и учения их, вселявшего надежду. А стихи Симеона хотелось запомнить наизусть, чтобы повторять их снова и снова.

Пусть мне сейчас недоступно это высокое созерцание, но умом я коснулся великой тайны. Мои «чувственные плотские» глаза рассеянно наблюдали, как несутся за пыльным окном зеленые перелески, садовые домики с почерневшими заборами... Вместе с тем, какое-то внутреннее зрение созерцало, как изливается из бездны черного мрака, разверзая небеса, сияние великой славы Бога Троицы. И уже моё сердце озарялось светом, сильнее этого земного солнца и мой помраченный разум просвещался, а сам я становился беззлобным и кротким. ...Пусть даже на несколько секунд. Как это понять? Как вместить своей тупой головой такое двойственное зрение, существующее на двух планах – земном и небесном, телесном и душевном? Я понимал только одно: приоткрылась желанная тайна, к которой меня сильно тянуло. Мне очень нужно было её разгадать, чтобы этим жить.

В Звенигороде мы сошли с платформы, и к нам подлетел услужливый паренек:

– Не желают ли господа поехать на машине?

– Не знаю, как господа, – улыбнулся Игорь, – а мы с братом имеем такую потребность. Нам в Городок, пожалуйста.

По дороге, поднимавшейся в горку, мы въехали в небольшой поселок, отстоявший от города несколько в стороне. Остановились перед открытыми воротами. Игорь велел въехать во двор. Мы выгружали сумки из багажника, а в это время распахнулась дверь и с крыльца сошел странный человек в предельно обветшалом свитере, латаных галифе времен штурма Берлина и – о, ужас! – в резиновых калошах. С трудом узнал я в этом доходяге нашего светского льва Федора Семеновича. Мы обнялись, вдоволь нахлопали друг друга по спинам и вошли в дом. Это была древняя изба с русской печью. В горнице нас ожидал накрытый стол: традиционная картошка, томлённая в молоке в закопченном глиняном горшке, миска с огурцами и тарелка с ветчиной.

– Вот наш дорогой гость Андрюха и узнал истинную суть непутёвого старика, – рокотал певучим басом хозяин. – Как видишь, в обыденной жизни сбрасываю льстивые ометы, аки лягушка из сказки зеленую пупырчатую кожуцу. Здесь я, брат, настоящий.

Он подвел меня к резной рамке на стене, внутри которой сиял белизной бумаги и чистой мудрости текст, выписанный витиеватой церковно-славянской вязью. Не без труда мне удалось перевести на современный русский язык: «Но более всего возлюбил он нищету» (из жития преподобного Саввы Сторожевского).

За столом, уминая необыкновенно вкусную томленую картошку, я поделился дорожным открытием о моём созерцании на двух параллельных планах. Игорь лишь удовлетворённо кивнул, зато Федор Семенович затих, поворчал себе под нос что-то непонятное. Потом поднял на меня усталые глаза в красных прожилках и сказал:

– Андрюша, ничего я тебе не скажу. Только это: парень ты прямой и честный, поэтому прошу твоих непрерывных молитв.

– Ладно, хорошо, – промямлил я в смущении. Тоже, нашел молитвенника...

После обеда мы вышли во двор. Хозяин повел нас в дальний угол, где за высокими малиновыми кустами скрывалась калитка. За его забором, буквально в паре метров, начинался крутой обрыв. По узкой тропинке вдоль забора вышли мы к лавке на пятачке земли, с трёх сторон окруженном почти отвесным обрывом. Присели и залюбовались открывшимся отсюда просторным видом на город, укрытый розово-голубыми туманами заката.

– Вот тут я и упражняюсь в плетении лаптей, – сказал старик, перебирая черные шерстяные четки.

– Так монахи школы преподобного Серафима Саровского молитву Иисусову называют, – пояснил мне Игорь и тоже замолк, перебирая пальцами узелки невесть откуда взявшихся четок.

Читал Иисусову молитву и я. Глаза впитывали красоты заката, в уме слова молитвы совершали непрерывное звездное кружение. Где-то глубоко в сердце возникали сначала страшные картины адского пламени, в котором я видел себя. Это подогревало покаянные «... помилуй мя, грешного». Потом молитвенная пульсация ангельскими огненными крыльями поднимала меня из адской бездны и ставила на земную твердь. Оттуда я наблюдал, как в разрыве клубящихся сизых туч ярким сиянием проникал нестерпимый свет и озарял тех, кто молился в этот час, и тех, кто был рядом с нами.

Вернувшись во двор, мы увидели на крыльце мужчину в красной феске, окруженного тремя котами. Рыжий великан сидел на коленях, а двое серых, размером поскромней, жались к его ногам, обутом в расшитые золотом башмаки с загнутыми вверх носками.

– А этот человек даже от неприятелей наших сподобился получить благодарность, – сказал Федор Семенович. – Феска и ковrostупы – дар турецких реставраторов, с которыми сей муж поднимал из руин православный храм. Игорь давно его знает, а ты, Андрей, познакомься, это Сергей – сосед мой и друг, мы с ним этот дом пополам купили.

Обнялись, перекинулись дежурными фразами о житье-бытье. Коты упрямо не отходили от хозяина, а рыжий исподлобья ревниво метал на нас гневные зеленые молнии.

– Когда мы покупали с Сереегой дом, тут была тишь и благодать. А потом у людей появились большие деньги, и они стали скупать землю и дома. Назвали этот уголок Подмосковной Швейцарией и цены задрали до швейцарских. – Он обвел рукой квадрат примерно десять на десять метров. – Сейчас этот клочок земли стоит сорок тысяч долларов.

Старик замолчал, потом покряхтел и сказал:

– Сергей, а ты не позволишь нам подняться к тебе в мастерскую? Я понимаю, это не очень удобно, но... А?

– Ну что ж, – улыбнулся Сергей, ссаживая недовольного кота на траву, – давайте поднимемся.

На втором этаже, под самой крышей, находилась небольшая комната, в которой едва умещались большой стол у широкого окна и узкая кушетка в темном углу. Почти всю поверхность стен занимали стеллажи с книгами, красками, кистями, баночками.

– Вот она, самая большая наша драгоценность, – сказал Сергей. – Образ Иоанна Предтечи кисти самого Андрея Рублева. Видите, четыре слоя более поздней прописи, – показал он рукой, – а вот уголок, написанный великим иконописцем, – здесь я уже расчистил. Краска из размолотого малахита, яркая и сочная. Моя задача – удалить поздние слои и восстановить образ в первоизданном виде.

– Слушай, Сереега, – взволнованно прохрипел Игорь, – а где ОМОН? Они что, так умело спрятались? Да ведь эта икона, по мировым ценам, небось, не меньше полумиллиарда долларов стоит!

– ...Если не больше, – кивнул Сергей. – А охраняют эту великую драгоценность ангелы Божьи. Думаю, это поэффективней ОМОНа будет.

За ужином Сергей показывал видеофильм о своих путешествиях. Вот он с группой реставраторов работает в самом древнем христианском храме в Египте, вот он в Турции в Мирах Ликийских, в Ростове Великом, Саратове, на Кипре, на Афоне...

– Слушай, Сергей, – спросил Игорь, – и как тебе это удаётся: работа любимая, богоугодное восстановление храмов, икон – еще платят, наверное, неплохо? Да ты счастливый человек!

– Верно, счастливый, – кивнул реставратор, – только ты же знаешь, брат, не будет нам на земле абсолютного счастья. Я не очень-то люблю об этом говорить... Но вам скажу. У меня за это счастье вся семья болеет: отец после инсульта лежит четвертый год, матери от диабета ступню отрезали, у жены язва желудка, у сына жена мегера, отказывается внуков рожать –

фигуру портить. А сам я зрение теряю по две единицы в год и позвоночник так болит, что иной раз на стену от боли готов залезть. Так что за любое счастье нужно платить, брат.

Ранним утром, когда солнце первыми робкими лучами обласкало сырую росистую землю, мы выкопали дубовый саженец. С корнями и налипшей землей аккуратно переложили в ведро. Взяли каждый по лопате и пешком пошли в монастырь. По дороге старик объяснил, что его благословили вместо рухнувшего пятисотлетнего бука, посаженного преподобным Саввой, посадить дубок. На древние буковые деревья напала болезнь, выкосила почти всех великанов. Справа от нас шумела дорога, по которой неслись дорогие автомобили, обдавая нас грязью и выхлопами. Наконец, от дороги прямо по траве поднялись мы на горку и слева обошли белые стены красавца-монастыря.

– Вот тут и снимал Андрей Тарковский свой «Солярис». ... Те сцены, где Крис в исполнении Баниониса прощается с Землей. Вон там стоял дом отца. К нему потом с год ездили паломники, поэтому власти дом разобрали. Ну а озеро и река на месте, как видите. Тут недалеко мать Тарковского снимала дачу, так что ностальгия по детским воспоминаниям привели режиссера именно сюда.

Посадили мы дубок, водой из святого источника полили. Отошли и со стороны посмотрели на хрупкий росток, выглядывающий из земли. И не подумаешь, что через несколько лет он превратится в мощное дерево, под развесистой кроной которого, быть может, будут отдыхать от солнечного зноя наши внуки. Спустились к речушке. Знаменитые вьющиеся водоросли еще не выросли. Берег реки и песчаное дно были замусорены. Но зеленоватая вода по-прежнему текла и текла, не обращая внимания на человеческую нечистоплотность.

Игорь со стариком заговорили о «Солярисе», вспоминая самые замечательные кадры. Оказалось, более всего отпечатались в памяти не космическая тема, а именно земная. Причем, и первые кадры фильма, где Крис прощается с Землей перед отлетом на космическую станцию; и те, которые Крис показывает фотонной Харри; и, разумеется, последние, смоделированные недрами «философствующего океана»... Мои глаза снова смотрели на живой реальный пейзаж, а память поднимала из глубины и словно на киноэкране показывала мне чарующие кадры под музыку Артемьева и хоральную прелюдию Баха.

Вьющиеся водоросли в струях воды, осока по берегу реки, огромные лопухи в росе, плывущие над лугом туманы, корявые столетние вязы, вибрация влажного воздуха от птичьего пересвиста и лягушачьего кваканья, бегущий по траве красивый жеребенок, ряска на умирающем озере и сухие деревья на берегу, седеющий Крис в синей кожаной куртке с металлической коробкой для кипячения шприцов, девочка в белых джинсиках приседает в книксене в ответ на «здравствуй» мальчика, сменяющие друг друга зима, осень, лето; женщины в длинных платьях с огромными печальными глазами, выщербленная монастырская стена – всё это плавно, без суеты и спешки под струящуюся органную музыку... И в завершение, очищающий светлый дождь – и Крис на коленях перед отцом, как персонаж Рембранта на полотне «Возвращение блудного сына».

Обогнули крепостную стену, у знакомого старику вратарника оставили лопаты с ведром и вошли под сень монастыря. Тут по асфальтовым дорожкам между храмами и братскими корпусами толпами бродили паломницы в платочках и длинных юбках, наши и европейские люди в шортах и мини-юбках. Монахи, склонив головы, шагали по своим делам. За их спинами черные мантии развевались подобно крыльям больших птиц. Мы, задрвав головы, любовались золотом куполов, белизной стен. Опускали ослепшие на миг глаза и смотрели на цветы и зеленую траву газонов. Зашли в храм, поставили свечи перед образами. Поклонились мощам преподобного Саввы. Помолились в царском приделе.

Вышли из храма и сразу увидели нашего старика в ветхом рубище и нечесаной растительностью вокруг сияющего лица.

– Пошли! Я доложил игумену о посадке дубка, а он благословил поднять вас на колокольню.

По крутой каменной лестнице мы поднялись на самую верхотуру. Унимая дрожь в ногах, оглядели с высоты голубоватые дали с темными деревеньками, аккуратными домами в три-четыре этажа, зеленые перелески, вьющуюся ленту реки. Затем подошли к огромному колоколу и погладили его прохладные округлые бока.

– А что если раскачать этот десятипудовый язык и ударить в набат? – спросил я, теребя в руках толстую веревку, привязанную к нижнему концу языка.

– Во-первых оглохнем, а во-вторых, прогонят с позором и больше не пустят. В обители без благословения ничего делать нельзя. Кстати, если сейчас пойдете в скит, можете успеть на исповедь к старцу. Я туда пока не вхож, – вздохнул он тяжело, – он мне по причине злоупотребления отказал. А вы идите с Богом.

Тайными тропами, через бурелом, горы мусора и кучи сваленных деревьев пробрались мы к высокому каменному забору, за которым виднелся шатер храма. Скит напоминал крохотный монастырёк. Вошли внутрь, объяснили пожилому монаху-вратарнику, что идем к старцу. Он махнул ручкой – туда, в церковь. В полутемном храме после уличного солнца с трудом разобрали где аналой и кто к нему последний. Перед нами стояли четверо монахов и трое мирян. Видимо служба тут читалась неспешно, по монастырскому уставу, поэтому мы застали еще литургию оглашенных, хор умирительно распевал блаженства:

«...Блажени плачущие, яко тии утешатся.
Блажени кротции, яко тии наследят землю.
Блажени алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся. ...»

Почему-то именно блаженства меня больше всего успокаивали и обнадеживали. Мне очень хотелось верить или даже знать, что наши земные скорби обязательно получают вознаграждение в будущем веке. Наконец, я приблизился к месту судилища. Теперь между мной и согбенным старцем стоял один только мужчина в костюме. Вдруг я почувствовал, как страх холодными волнами перекачивается по спине и затылку. Когда мужчина отошел, я понял, что не могу и шагу ступить – ноги не слушались. Игорь тогда слегка подтолкнул меня, и я на одревеневших ногах поковылял к аналою.

– Что, страшно каяться? – участливо спросил старый монах. – Ничего, зато на Страшном суде полегче будет.

Наконец, я собрался с мыслями и стал называть свои грехи. Потом старец спрашивал, а я отвечал, потом я задавал вопросы. И вот исповедь закончена. Епитрахиль легла на мою голову, прозвучала долгожданная разрешительная молитва. Я поднял голову и наткнулся на лучистый взгляд старого монаха.

– Знаешь, Андрей, ты ступил на верный путь. У тебя хороший проводник, – кивнул он в сторону Игоря. – Но тебе, как воину Христову, необходим щит. Молитвенный щит. – И он назначил мне ежедневное молитвенное правило.

– Батюшка, – воскликнул я, – да я же и половину не потяну! У меня работа, куча дел...

– Ничего, – успокоил он меня, – ты только начни. Вот увидишь, Господь так устроит твои дела, что появится время на молитву. Только прошу тебя, сынок, старайся выполнять это правило. А то лишишься щита и можешь получить ранения. Держи щит и не опускай. Благослови тебя Господь.

На следующее утро я впервые прочитал все вмененные мне молитвы и с непривычки почувствовал легкую усталость. И тут мне позвонил мой начальник и сообщил, что на работу выходить не нужно: «Дела наши плохи. Придется отдать половину помещений в аренду. Так что работай на дому. Переходим на обмен данными по интернету. Зарплату будешь получать

на кредитную карточку. Так что, Андрей, можешь теперь хоть в Сочи, хоть на Кипре жить и по интернету с нами связываться. Свой процент от аренды, как акционер, тоже будешь получать на карточку. Так что еще и дополнительный заработок будет. Всё понял?»

Ну надо же – я акционер! ...Как-то увольнялся мой приятель Стас. Что-то скучно ему стало, вот и ушел на вольные хлеба. В последний рабочий день захотелось ему «проставиться» так, чтобы запомниться коллегам хорошим благодарным парнем. Отвел он меня в закуток и протянул пухлую пачку акций:

- Бери за пять флаконов.
- Откуда у тебя столько?
- В шахматы выиграл.

На работе азартные игры были строго запрещены, поэтому любители игры на деньги использовали в своих корыстных целях легальные шахматы.

- Да на кой они мне?
- Придет время, попомнишь меня добрым словом.

Нехотя взял я эту пачку, небрежно сунул в карман пиджака и выдал другу требуемую сумму. Потом предъявил их начальству, и оказалось, что у меня на руках 12 % акций нашей фирмы. Прав оказался Стас: даже эти с виду несерьезные бумажки могут приносить доход.

Сбылась мечта раба – я получил свободу. Не надо приходить в контору и протирать там штаны, не нужно выслушивать сплетни, объедаться тортами с женщинами и пить вино с мужиками. Не нужно покупать хорошую престижную одежду, чтобы выглядеть не хуже других. Рассказал новость Игорю, а он будто этого ждал:

- Я же говорил, что будет только лучше! Да и старец тебе обещал вымолить время на молитву. Так что получай желанное.
- Это что, вот так всё и делается?.. – только и сказал я.
- То ли еще будет! А знаешь, мы пожалуй осуществим твою мечту о тропической стране.
- Эй, эй! – воскликнул я в замешательстве. – Успокойся.
- Я спокоен, как гора Казбек, – сказал он с улыбкой. – Сейчас возвращаемся в Москву, быстренько собираемся и выезжаем в наши родные тропики. В путь!

«Рай» на земле

Дальше события понеслись с вихревой скоростью. Часто психика и воля давали сбой, погружая меня в беспомощность. Сначала мы ехали на электричке домой, потом на такси – в аэропорт. Потом летели в Ту-154 в Симферополь, отсюда – на троллейбусе доехали до Гурзуфа. Старая знакомая Игоря выдала нам ключи от комнат на втором этаже дома. Все эти стремительные перемещения для меня проходили будто во сне. Я читал, молился, спал, ел, садился и вставал...

...И вот мы с Игорем сидим на пляже и, мокрые после купания, с аппетитом доедаем копченую курицу с розовыми помидорами. Перед нами шуршит волной ласковое море, над головами сияет яркое солнце, слева – гора Аю-Даг, похожая на медведя, пьющего воду прямо из моря. На западном склоне горы, у самого моря, белеют корпуса некогда знаменитого пионерского лагеря «Артек».

Рядом с нами сидели две тучные мамы шоколадного цвета с сыновьями-подростками, разговаривали они на украинском языке. Я спросил сидящего рядом со мной мальчика, откуда они? Он меня не понял и посмотрел на мать. Она ему перевела мои слова на украинский, и тот недружелюбно посмотрел на меня и сказал:

– Ни «откуда», а «видкиля»! Зрозумив, дядько? Мы з Львова.

– Ах, «западэнцы», – «зрозумив» я, и лишь пожал плечами: по старой памяти считал Крым исконно русской землей, незаконно подаренной Украине бесноватым гонителем Церкви – Хрущевым. Пару раз выходил я на набережную, посещал места общего пользования, ужасно вонючие; покупал виноград, свежавыжатый сок, мороженое. За спиной дважды услышал «москаль поганый», оглядывался и напарывался на взгляд молодого парубка, наглый и злой. И всюду: давай баксы, гривны...

По пути с пляжа нам попала странная тройка длинноволосых мужчин: двое ослабших тащили на плечах третьего, обессиленного. Свернув за угол, мы с Игорем поняли, откуда они такие – на маленькой площади рядом с автостанцией стояли две металлические бочки с вином, вокруг толпились люди, некоторые с мольбертами. «Здесь дом творчества художников» – объяснил Игорь.

Чуть позже я их видел повсюду – они по-домашнему заселили волнорезы, набережную, старинные улочки; они стояли перед раскрытыми этюдниками на длинных ножках и водили по картонам и холстам кистями. Вечером художники со товарищи собирались на набережной у кафе, стилизованного под исполинскую бочку. Внутри этого сооружения стояла дородная женщина с цепкими глазками и разливала крымское вино, сзади неё на полках выстроились десятки образцов знаменитых марочных и столовых вин. Кто мог купить, тот покупал себе и обязательно еще кому-то, например тем, у кого деньги кончились.

Странные волосатые и лысые люди сидели на камнях набережной, на гальке пляжа, на деревянных топчанах, тихо говорили, брэнчали на гитарах, читали стихи, спорили о течениях, стилях, озарениях. А над ними, и над нами, в черном небе мерцали россыпи звезд, ритмично скрежетали цикады, вскрикивали птицы, тихо шуршала морская волна, в которой купался растущий месяц. Мы расположились на теплом каменном парапете, дегустировали вино «Черный доктор» из пластмассовых стаканчиков и слушали, как рядом, за бамбуковой перегородкой беседки кто-то нараспев гнусавил:

– Мы сюда не на разборки приехали, братан. Отдыхай. Вернемся в столицу и тогда состыкнемся на стрелке. А сейчас отдыхай! – Из-за бамбука пахло страхом и сладковато-горьким дымом конопли.

Вечером я понял, что сильно обгорел, меня бил озноб, кусали москиты, мухи и слепни. В своей комнате я обнаружил двух скорпионов и рой москитов в углу у форточки. Ночью

почти не спал. Меня тошнило, кожа чесалась, москиты звенели у самого уха и больно кусались. Завернулся во влажную простыню с головой, меня бросало то в жар, то в холод. Наутро меня пронесло. Хозяйка в качестве лекарства предлагала самогон из инжира, от одного запаха которого меня тошнило. Слава Богу, с утра пошелестел дождь, и мы вместо пляжа пошли в храм. Хозяйка сказала, что его недавно построили и объяснила, как туда пройти.

Храм святителя Николая выглядел великолепно, сиял белыми стенами и золотом иконостаса. Видимо, я так усердно молился, что мне полегчало и, когда мы оттуда вышли, я чувствовал себя намного лучше. Потом гуляли по городу, обедали в кафе борщом с пампушками и варениками.

А потом дошли до пирса, у которого величаво раскачивались белоснежные яхты. Огромный загорелый дочерна мужчина окликнул Игоря, и мы взошли по трапу на борт судна. Михаил оказался москвичом, изредка заглядывал в клуб «Спящий лев». Он объявил, что завтра выходит в море, и пригласил нас в круиз. Мы согласились.

Дома я сказал Игорю, что чувствую на душе камень: мне с работы прислали тексты двух повестей страниц на триста, а я всё никак не могу приступить к редакции.

– Не проблема! – сказал Игорь, и мы встали на молитву. Через полчаса он сказал:

– А вот теперь работай.

И я сел за ноутбук. Вообще-то, скажу без ложной скромности: редактирую я быстро. Триста страниц для меня – неделя работы. Но в тот вечер мне удалось справиться с недельным объемом за... три часа. Я листал текст с немыслимой скоростью, останавливаясь именно в тех местах, где имелись ошибки. Будто невидимый гениальный помощник сам указывал мне, куда необходимо обратить внимание.

Завершив редактуру, я еще раз стремительно пролистал текст и на этот раз увидел его цельным, как огромный кристалл, без чужеродных включений. Поделился наблюдением с Игорем, на что он ответил:

– Слава Богу. А теперь давай поблагодарим. – И мы встали на благодарственную молитву. Отправив тексты по интернету в редакцию, я прочел вечернее правило и заснул с приятным чувством выполненного долга. А ночью тот, кто помогал мне в работе, водил мою душевную составляющую по небесным красотам, а я просто подчинился ему и отдался на волю безграничной светлой радости.

На рассвете вышли в море. Над серовато-зеленой тихой водой слоился утренний туман, который медленно поднимался к небу. Я бросил последний взгляд на Гурзуф и понял, что никогда больше по своей воле сюда не приеду.

Как ни странно, шли мы не под парусом, а на мощном двигателе, с ветерком. Михаил все время возбужденно шутил, перекрикивая рёв двигателя, шум рассекаемой волны и свист ветра в ушах. Через два завтрака и один легкий сон в каюте, мы оказались в Цемесской бухте Новороссийска. Сошли на берег и гуляли по набережной. После качающейся под ногами палубы твердая земля производила странное впечатление: словно чего-то не хватало. Затем наблюдали швартовку океанического лайнера и заливку нефтью огромного нефтяного танкера. Прошлись по каштановому бульвару, пили кофе в открытом кафе и наблюдали странное зрелище – девушек в морской курсантской форме. Видимо, принцип «женщина на корабле – к беде» отменен и сдан в архив. На многолюдном рынке, занимавшем целый район города, купили продуктов – свежей рыбы, огромных помидоров, вишни, молодой картошки. Загрузили покупки в такси, привезли в порт. Закат солнца застал нас на борту яхты. Рассекая золотисто-сизые волны, наше судно летело белой морской птицей по линии горизонта вдоль берега.

Рано утром я проснулся и выглянул в большое округлое окно. Мы стояли у причала Сочинского морвокзала. На палубе Михаил командовал заправкой горючего, а Игорь – спо-

койный, как гора Казбек, – улыбался утреннему солнцу. Он вежливо-занудно напомнил мне о выполнении молитвенного правила, и я на час вернулся в душную каюту. Прогулка по Сочи запомнилась стадами машин, чадящих голубоватым смогом, множеством бритых затылков и дамочек весьма легкого поведения. Отдыхающие трудящиеся, казалось, попрятались по переполненным пляжам, квартирам «под ключ» и гостиничным номерам. Я еще помнил Сочи моего детства – по большей части одноэтажные домишки в зарослях кипучей зелени и редкие острова домов отдыха, больше напоминающие дворцы с толстыми белыми колоннами и фонтанами, неторопливо гуляющие семьи, мужчин в пижамах, дамочек в домашних пестрых халатах под китайскими зонтами. По полупустому Черноморскому шоссе тогда проезжали открытые автобусы, везущие весело поющих трудящихся на озеро Рица, к Агурским водопадам, на гору Ахун, в Ново-Афонские пещеры. На широких дорожках и лестницах ботанического парка «Дендрарий» голосистые экскурсоводы рассказывали, из какой тропической страны завезены сюда это длиннохвойная сосна, пробковое дерево или толстенная лиана, а передовики производства аккуратно записывали это в блокноты.

В тот жаркий день нас окружал совсем иной город, больше напоминающий нелепую карикатуру на французскую Ниццу или, скажем, американский Майами. И всё здесь было – шикарные коттеджи, отели с зеркальными фасадами, роскошные рестораны и поющие фонтаны, отравленный автомобильными газами воздух, пробки на дорогах, энергичные брюнеты, кующие капиталы на приезжих, наркоторговцы и сутенеры – словом всё, кроме того, что так притягивало сюда в прежние времена: ароматной южной неги в тени буйной тропической зелени. Домашний уют заменила вездесущая криминальная тревога. Этот город перестал быть оздоровительным курортом, его превратили в огромный насос по откачке денег у приезжих.

Завернули мы в Кудепсту, где навестили давнего приятеля Михаила. Этот печальный грек по имени Апостолос устроил ужин на веранде и рассказал, как по просьбе приезжего полковника ФСБ повёз его на озеро Рицу. Полковник захотел съездить в шашлычную, что метрах в пятистах от озера, выше в горах. Там действительно подавали прекрасный шашлык на косточке из свежайшей баранины и домашнюю изабеллу, густую и пахучую, как мёд. И все бы хорошо, только на обратном пути их машину остановили вооруженные автоматами дикие абреки. Они отняли у гостей все ценное, вплоть до запасной канистры бензина, зажигалки и носового платка. Громко смеялись над словами полковника ФСБ о личном знакомстве с президентом Абхазии и офицерами Девятого управления. Отобрали у него красное удостоверение с золотым гербом и – слава Богу – отпустили живыми. На прощанье гостеприимные горцы приглашали приезжать почаще, только денег с собой просили брать в следующий раз побольше.

Этих дикарей, конечно, можно понять: они живут в нищете, питаются кукурузной кашей, работы нет – а тут белые люди с «кучей» денег, на сверкающей лаком иностранной машине! Ну как таких богатеньких да не попросить поделиться с нищими горцами сокровищами? К тому же наблюдательный полковник сказал чуть позже, когда они вернулись в Россию и успокоились, что глаза у грабителей были безумными, с расширенными зрачками. Видимо, ребятки, накурились крепкой абхазской конопля. Когда грек узнал, что Михаил направляется в Абхазию, он замахал большими крестьянскими руками:

– Ой, ребята, не надо туда ехать! Ограбят...

Мы, не сговариваясь, пожали плечами: ну, ограбят, значит, судьба такая.

А чтобы успокоить старого грека, Михаил рассказал историю о вине. Как-то пригласил его очень нужный человек в гости на юбилей. Миша заглянул в магазин французских вин и с помощью тамошнего сомелье выбрал в подарок «Шато Петрюс» урожая 1964 года по цене десять тысяч долларов за бутылку. Эта драгоценность возлежала в сафьяновой коробке на соломке в специальной салфетке, тщательно укрывающей зеленоватую пыль, осевшую на стеклотаре в тиши подвала за долгие годы выдержки. Прилагался так же сертификат на пяти язы-

ках, удостоверяющий подлинность вина. Понимаете, человек ну очень нужный и к тому же знаток и любитель коллекционных вин, пояснил рассказчик. Старик Апостолос долго еще чмокал сухими губами и возмущенно закатывал глаза к фиолетовому звездному небу. Юбиляр оценил подарок, горячо поблагодарил Михаила, но раскупоривать бутылку благоразумно воздержался и аккуратно поставил её на почетное место в роскошный резной бар с подсветкой и музыкой. Как говорится, прошли годы... И вот однажды компаньон уже на его, Михаила, юбилей подарил ему бутылку «Шато Петрюс» урожая 1964 года. И Миша сразу узнал то самое вино, которое он давным-давно самолично вручил юбиляру. Можно представить, сколько праздников и юбилеев обошла эта бутылка в зеленоватой плесени, прежде чем вернуться к первому хозяину! Тогда Михаил решил прервать цепь круговращения и к всеобщей радости открыл её и разлил гостям.

– Ну и как вино? – спросили мы хором, вытянув шеи.

– Да, честно сказать, – вздохнул рассказчик, – обычная терпкая кислятина с привкусом пробки и серы. На мой вкус, домашняя изабелла нашего добрейшего Апостолоса ничуть не хуже! – И он обнял хозяина за плечи, чуть не доведя его до стариковских слез.

С наступлением ночи мы спустились к морю. По дороге напевали старую добрую песенку, звучавшую некогда в исполнении Эдуарда Хиля: «Адресованная другу, ходит песенка по кругу, потому что круглая Земля, ля-ля-ля-ля!». На пустом берегу сидела компания из трёх человек, зачарованно смотревших на лунную дорожку. Она жидким серебром разлилась по черной морской воде, которая далеко-далеко сливалась с таким же черным небом. Мы сбросили одежды и прямо по лунному серебру вошли в жутковатую прохладную черноту. Когда привыкнешь, вода кажется теплой воздуха. Звезды теперь окружали нас: плескались вокруг и высоко в небе.

Заплыли мы далеко, казалось, до той невидимой линии, где небо падало в морскую пучину, а море восходило ввысь. Мы остановились перевести дыхание. Движения рук у поверхности и ног под водой почти не возмущали черной тишины. Сначала Игорь, потом Михаил, а следом и я – погрузились на глубину. Я открыл глаза и увидел удивительную картину: мы увлекли за собой тысячи пузырьков воздуха, они весело кружились в жемчужном вихре. Яркий лунный свет играл в каждой жемчужине, окружая наши тела светящимся облаком. Мы всплывали и глотали воздух, потом погружались на глубину, кружились и кувыркались в упругих струях воды, как птицы в тугих потоках воздуха. И смеялись, как дети. Вернулись на веранду молча, но едва присев к столу, разбудили дремавшего старика, заговорив о великих стихиях: вода, воздух, свет. Каждый из нас ощущал их по-своему. И эта тема казалась неисчерпаемой и великой, как сами эти неохватные взаимно проникающие вселенные, и над всем парил Дух и вдохновлял нас.

И все же поутру, не смотря на протесты Апостолоса, мы отбыли в Абхазию. С палубы наблюдали, как густонаселенные отдыхающими пляжи Адлера сменились пустыми абхазскими берегами, сверкающие частные гостиницы и огромные дворцы Российского побережья – полуразрушенными строениями древней послевоенной Иверии. Пристали мы к пирсу в обширной бухте Нового Афона.

Игорь повел нас к давнему знакомому – армянину по имени Гамлет, тихому, седому, но вполне еще крепкому мужчине. У него на самом берегу стоял пустой двухэтажный дом с пятью комнатами: жена умерла, дети разъехались кто куда. Мне Игорь посоветовал комнату с видом на море, которое плескалось всего в десяти метрах. Михаил занял соседнюю, но предупредил, что он задержится только на денёк – порыбачить, а потом продолжит круиз. Не теряя времени, они с Гамлетом взяли снасти и на катере укатили на рыбные места. Этот Михаил – какой-то человек-оркестр, дизель-генератор! Ни минуты покоя!

В моей комнате кроме железной кровати и дубового шифоньера имелись кресло и книжные полки. Среди прочих я обнаружил романы Жоржи Амаду и Пауло Коэльо, португальский словарь и туристический путеводитель по Бразилии, которые меня заинтересовали. Возникла догадка, что сын моего хозяина собирался переселиться в Рио-де-Жанейро. Из имевшихся источников создалось впечатление, что единственное безопасное место в Бразилии – это центральный район Рио и пляж Кобакабана – да и то в дневные часы. Казалось, люди вовсе не обращают внимания на распростертые объятия Иисуса Христа, огромная статуя Которого возвышается над городом на высокой горе. В отдаленных от центра районах зверствовала мафия, сокращая продолжительность жизни местного населения до 35 лет. Лесные дебри сельвы буквально кишели ягуарами, ядовитыми змеями, пауками и скорпионами, реки – крокодилами, пираньями, огромными питонами, которые целиком заглатывают людей.

Видимо, сын Гамлета провел немало времени, мечтая о Бразилии, казалось, комната пропиталась знойным духом вождельных тропиков. Может быть поэтому, ночью мне приснилась Бразилия. Там свистели бандитские пули, сверкали ножи, торговали девушками и детьми, наркотиками, оружием. В животном мире стоял хруст костей, которые перемалывали челюсти; раздавался треск раздираемой кожи, влажный воздух раздирали предсмертные вопли жертв и повсюду – громкое непрестанное чавканье. Ноздри обжигал острый на жаре тошнотворный смрад гниющей плоти.

Среди ночи я несколько раз в ужасе просыпался от оглушительных раскатов грома. Над бухтой между черными тучами и серебристо-черной водой змеились огромные ослепительные молнии.

Хмурым утром хозяин чинил пострадавший от ночной бури навес. Михаил спешно собрался и стал прощаться: ему предстоял путь на Кипр. Мы обнялись, попрощались, и он энергично устремился в сторону пирса, где белела быстроходная яхта. Капитанской походкой вразвалку дошел до поворота, махнул рукой и скрылся за скалистой стеной. Игорь тоже поднялся и ушел навестить друзей.

Мне представилась возможность посетить главную местную святыню – Ново-Афонский монастырь. По каменистой дороге, среди стрельчатых кипарисов и садовых деревьев, виноградных лоз и огромных розовых кустов поднялся я на гору. Здесь, бежево-красный, величественно-царственный, стоял красавец-монастырь византийской архитектуры. Когда я вошел внутрь храма, меня удивили его размеры – расписной купол парил очень высоко. Снаружи он казался гораздо меньше. Там, на самой высоте, Отрок Иисус с большими глазами восседал на коленях Бога Отца. Чуть ниже в небесном пространстве парил образ Пресвятой Богородицы, обеими руками благословляющей прихожан. Когда прикладывался к иконам Богородицы «Избавительница» и великомученика Пантелеимона, за спиной услышал шепот: «Несколько дней назад во время воскресной литургии иконы мироточили». Обошел все иконы, долго разглядывал фрески, напоминающие по стилю роспись Киевского Владимирского собора. Постоял в стасидии, о которых только читал. В этих сооружениях с подлокотниками для опоры локтями и спиной монахи проводят долгие часы неспешных монастырских служб. Увы, ничего такого необычного я почему-то не ощутил, поэтому вышел из храма несколько разочарованным. Видимо, что-то я сделал не так. Ну что ж, нужно спускаться вниз, к морю.

Дома встретил меня хмурый Гамлет и сказал, что после бури до завтрашнего полудня будет сильно парить. Посоветовал растопить печь и просушить постель и белье, а заодно погреться самому: при стопроцентной влажности и холодном ветре простыть ничего не стоит. Приподняв несколько верхних поленьев, я увидел свернувшуюся в клубок змею и отшатнулся. Пришлось переждать, пока аспид уползёт подальше. Развешивая бельё в натопленной комнате, в стопке белья обнаружил большого черного скорпиона. Где-то невдалеке завывал шакал. Что-то мне подсказывало, что тропики и вообще юг – не для меня.

Я сидел на береговых камнях и смотрел на пузырящиеся мутно-желтые волны. На сером небосводе не было видно ни единого просвета. Ко мне подошел старый пёс в кудлатой волчьей шерсти и с достоинством присел в трех метрах от моих кроссовок. Он смотрел на меня не в упор, а как-то сбоку. Вспомнилось, что взгляд в упор в животном мире расценивается, как угроза. Сбегал я домой и принёс колбасы, сыра и остатки вчерашней рыбеёй требухи. Положил в метре от собачьей морды. Он едва заметно втянул ноздрями воздух, вежливо вильнул хвостом и осторожно подошел ко мне. Я протянул руку и потрепал его горячую пыльную шерстяную холку. Тогда он придвинулся вплотную и впервые взглянул мне в лицо. Казалось, пёс благодарно улыбнулся. Он положил морду на передние лапы и прикрыл глаза. Я погладил его большую голову, шею, спину. Пёс глубоко вздохнул и едва слышно заскулил. И только после этого проявления уважения ко мне, он поднялся, потянулся и лениво, как бы нехотя, подошел к еде. Ел он весьма аккуратно, хоть наверное, непросто ему было сдерживать себя, чтобы не наброситься на еду и не проглотить одним махом. Аристократ, подумал я.

Наконец, пёс доел всё до последней крупницы, облизнулся и опять, смотря куда-то вбок, подошел и улёгся у моих ног. Благодарно взглянул в мою сторону и учтиво отвел глаза. Теперь он зорко оглядывал окрестности, охраняя меня от возможных врагов. Я ходил в комнату за молитвословом, вернулся и стал прочитывать молитвенное правило. Пёс продолжал свой дозор, но уши теперь повернул ко мне. Он ловил каждое слово и, казалось, понимал всё, о чем я читал вслух. *Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне...* (Рим. 8, 19–22)

...И в сон желанье смерти вселено

Итак, совершив познавательный «тропический круиз», мы вернулись домой. Снова звонили мне друзья-товарищи и буквально требовали, чтобы я поделился, наконец, своей жилплощадью. Снова стоял я крепко, оберегая возможность в тишине разобраться с теми событиями, которые вошли в мою жизнь. Но не всегда это удавалось. Первой прорвала блокаду соседская девочка по имени Диана. Но перед этим я получил нечто вроде предупреждения...

Включил как-то в приступе задумчивости телевизор, а там – кино.

Вернисаж под открытым небом в Питере. Таинственный Покупатель в черных очках и с волосатым хвостом выбрал картину. Ему Художник предлагает еще одну, с тучной женщиной у ручья:

– Смотрите: красиво, эротично.

– Красота и эротизм, молодой человек, – понятия разнополярные, – говорит назидательно Покупатель профессорским тоном. – Эротизм – это проявление агрессии и страха, а красота – это покой, умиротворение.

– То есть, вы против эротики? – удивляется Художник.

– Эротика – это хаос и разрушение, постыдный страх бренности бытия. И высшее проявление этого – женщина.

– А вы случайно не из «Комнаты потерянных игрушек»? – сдавленно спрашивает Художник.

Очень скоро не в меру любопытного Художника находят мертвым от передозировки героина – весьма распространенный с некоторых пор способ убийства...

Я выключил телевизор. Не люблю мрачные детективы, особенно приправленные модной черной мистикой. Но слова таинственного Покупателя врезались в память и оставили там щемящее чувство безотчетного интереса. Может именно поэтому, примерно через полчаса, я снова механически кликнул кнопкой пульта – там по черному фону ползли титры и звучала песня: «Поднимаюсь, спотыкаясь – По ступеням не спеша. – Я от мира отрекаюсь – Надрывается душа!» Снова – щелк по кнопке пульта – и наступила тишина. Да, умеют киношные ребята интерес возбудить...

Диана позвонила в дверь и, не обращая внимания на мои дежурные возражения, просочилась внутрь квартиры. Не спросив разрешения, плюхнулась на диван и эффектно скрестила длинные ноги в лосинах. Тряхнула головой, рассыпав пушистые волосы по плечам, повернула ко мне лицо, демонстрируя махровую тушь на густых ресницах и жирную лиловую помаду на пухлых капризных губах.

– Что, Андей, – назвала она меня как в детстве, – судьба, кажется, подарила мне шанс?

– Ты это о чём? – спросил я настороженно.

Спросил о том, что и так знал, в основном для того, чтобы выиграть время и прийти в себя. С родителями девочки мы по-соседски дружили, заходили друг к другу безо всякого повода, так, чайку попить, луковицу занять, червонец до зарплаты стрелнуть. Маленькую Диану я носил на плечах, дарил ей игрушки, сажал на колени, кормил с рук зефиром, расчесывал густые длинные волосы.

До того, как наступило отрочество, Диана не отличалась от других симпатичных малышей. Правда, родители говорили о ней, будто девочка вполне самостоятельная. Она часами играла одна, подолгу слушала пластинки со сказками, сидя в полутемной комнате, смотрела на видеомagneтофоне мультики. Для родителей и гостей это было очень удобно, потому что ребенок не отврывал их детскими вопросами от не детских тем, и называлось это явление научным

словом «нейтрализация». Однако, девочка подросла и стала требовать к себе внимания, преимущественно мужского. Поначалу это выглядело немного потешно и вполне невинно. Только по мере взросления Дианы стал замечать, что её неумелая женская агрессия стала лично меня как-то неприятно задевать.

В свои шестнадцать лет она успела перепробовать на мне целый арсенал приёмов соблазнения. Она заваливалась ко мне домой и в крохотной мини-юбке, и в кожаных шортах в обтяжку, и в махровом банном халате с влажными волосами. Бывала она при этом несколько пьяной, разок даже заявила обкуренной травкой – такие шалости в её семье не считались чем-то криминальным. Более того, этому давалось так же вполне научное определение: «опыт расширения сознания», что по мнению «продвинутых» родителей сообщало добровольному сумасшествию вполне легальный статус. Натыкаясь на таран девичьей наглости, я принимал незваную гостью сухо, вежливо и, с трудом справляясь с раздражением, как можно скорей выставлял за дверь. Протянула как-то она мне DVD-диск с эротическими фильмами, а назавтра, иронично улыбаясь, спросила:

– Ну и как?

– Обычная пошлая дешёвка для озабоченных прыщавых подростков, – пожимал я плечами. – Мне кажется, что девочка твоего интеллигентного воспитания могла бы интересоваться чем-то более глубоким.

– Куда уж глубже? – прыскала она и замолкала, напарываясь на мой отчужденный холодный взгляд. Заканчивались её потуги обычно тем, что она надувала губки, фыркала и возмущенно покидала мою жилплощадь.

И вот Диана стоит передо мной и берёт мою окаменевшую руку в свою теплую и мягкую ладошку. Глаза у неё мутные то ли от анаши, то ли от гармональной истомы. Зрачки расширены, от чего глаза напоминают черную болотную трясику, которую мне доводилось однажды обходить в лесу под Хлюпино, где собирал грибы. Мне это нравилось всё меньше и меньше, но я тупо молчал, находясь в состоянии, подобном параличу. Наконец, её вторая рука по-кошачьи мягко легла на моё плечо, а лицо с полузакрытыми глазами стало приближаться к моему. В голове пронеслось: «как тающий на солнце шоколад». И тут из памяти всплыли слова инспектора из романа Богомила Райнова «Инспектор и ночь», и я вслух процитировал:

– С чего ты взяла, что эта ужасная помада тебе к лицу?

– Дурак, – изящно отпарировала она и резко отпрянула, скорчив обиженную мордашку, все еще по-детски пухлую.

– А теперь послушай меня, дитя непутёвое, – сухо сказал я, очнувшись. – Поищи-ка для своих романтических экспериментов кого-нибудь помоложе.

– ... Да ты сам-то их видел, Андей, тех, кто помоложе? – воскликнула девушка. – Дебилы и недоноски.

– Как раз твой уровень. Так что вперед. Дверь у тебя за спиной.

– Другой бы на твоём месте!.. – начала было она.

– Я на своём месте, Ди, а других тут нет. – «Ди» мы называли её с отцом в честь английской принцессы Дианы. – Повторяю: дверь сзади. Иди учить алгебру. Я слышал от папы, у тебя по ней одни двойки. Родителям – горячий привет!

– О, shit! – выругалась она по-импортному и, запрокинув голову, двинула на выход. Жаль, что девочка усвоила из английской речи только ругательства, а ведь я в детстве учил её таким словам, как любовь, верность, чистота, мягкость, терпение...

Грохнула входная дверь, и я, наконец, остался один. Вышел на балкон, сел в кресло и задумался. А ведь, на самом деле, может случиться и такое, что я не смогу устоять под натиском такой вот энергичной бесстыдной фурии. А что если она меня застанет в момент малодушия? А если на меня самого нападет блудная истома, и я сам превращусь в тающий под солнцем шоколад?... А тут она – без комплексов, длинноногая, гибкая и готовая к разнообраз-

ным экспериментам по расширению бессознательного. Как потом смотреть в глаза родителям? Каково будет ощущать себя потасканным Гумбертом, помешанным на нимфетках, при встрече не с киношной, а реальной Лолитой, живущей в соседней квартире? Надо будет поговорить на эту тему с отцом девочки. Впрочем, сдаётся мне, разговор будет бесполезным: как-то во время праздничного застолья соседка сказала: «Знаешь, старик, девушке этого не миновать, поэтому уж лучше кто-то опытный и хороший знакомый, чем обкуренный отморозок в грязной заплыванной подворотне». И при этом недвусмысленно в упор посмотрел на меня, как бы оценивая и одновременно утверждая. О tempo! О mores! Нет! Это можно обсуждать только с Игорем. Наверняка у него есть практический опыт отражения такого рода агрессии.

Что лучше всего отвлекает от мутных проблем? Правильно – уборка помещения и приготовление обеда! Я надел на голову беспроводные наушники «Wi-Fi», поставил на музыкальном центре диск «Абба» и включил погромче. С первыми гитарными аккордами, бухнувшими непосредственно по барабанным перепонкам, я встрепенулся, надавил ногой на корпусе пылесоса кнопку «Вкл» и размашисто заелозил всасывающей кареткой на роликах по лысоватому старенькому паласу. Потом прошелся влажной мешковиной с надписью «сахар» на длинной швабре по линолеуму. Потом забросал в стиральную машинку белье, добавил порошка в одну ячейку, кондиционер в другую и включил второй режим. Заглянул в холодильник, порыскал по полкам и составил список того, что нужно купить в магазине. Снял наушники, выключил музыкальный центр. Удивился наступившей тишине. Надо же, как тихо вокруг, подумал я. Впрочем, с каждой секундой шум за окнами нарастал, и я расслышал стрекот газонокосилок, рёв мотоцикла, детский крик и монотонный шум автомобильного стада на проспекте под окнами. Не обращая внимания на угрожающее ворчание стиральной машины и возможность получить удар током, ополоснулся горячей, а затем холодной водой. Переоделся и выбежал в магазин, чтобы, как сейчас говорят, «сделать шопинг».

Когда список покупок был почти отработан, а сумка достаточно растолстела, я услышал душераздирающую мелодию «Stop» Сэм Браун. Закачала мне её на сотовый Лора, полагая, что колья уж они с английской певицей похожи, этот блюз будет постоянно напоминать мне о возлюбленной. Пожалуй, это был тот самый редкий случай, когда наши с Лорой мнения совпали. Когда я впервые увидел по MTV клип этого хита Сэм Браун, в первую очередь удивился внешнему сходству певицы с Лорой, ну а во вторую – мощным вокалом и совершенной музыкальностью песни. Так шептать в микрофон, будто это отчаянный вопль души, от которого по спине пробегают мурашки – это, конечно, надо уметь. Не успела прозвучать первая фраза: «All that I have is all that you've given to me...», как я надавил ногтем на зеленую кнопку и услышал хриплый голос Федора Семеновича:

– Андрей, ты где?

– Где я? В shop'e! – заорал я в трубку, пытаюсь перекрыть рекламу французского сыра по магазинному радио. На меня с ироничным удивлением оглянулось несколько человек. Пришлось исправлять ситуацию: – По-вашему, по-простому, – в магазине.

– А-а-а, – уныло протянул старик. – Как насчет, встретиться и поговорить?

– Я не против, – сказал я. – Только не раньше, чем через полчаса. – Улыбнулся я. Получилось нечто-то вроде «ча-ча-ча».

– Ладно. Приходи в сквер, на третью скамейку от метро. Жду.

Дома я разложил покупки, поставил на плиту скороварку с мясом. Между делом вспомнил, как однажды попробовал удивительно вкусный суп в доме одного старого холостяка из отставных военных. В том супе ничего особенного-то не было: кусочки мяса, картошка и морковь. Я спросил «настоящего полковника», в чем секрет? Тот улыбнулся и сказал: всё просто: мясо варить надо не меньше десяти часов, а вода должна быть родниковой. С тех пор и я варил

бульон как можно дольше. Воду для супа специально покупал в отделе детского питания в пятилитровых канистрах с Вини Пухом на этикетке. Правда, добиться того «полковничьего» вкуса, так и не удалось.

Порылся в гардеробе, подумал и надел белую футболку, бежевый летний костюм из мятого льна, причесался, опрыскался туалетной водой «Аква ди Джо» – всё это непрерывно напоминало о Лоре ноющей тоской. Неужели это зависимость?.. Минут через сорок встал у третьей скамейки. Старик сегодня облачился в небесно-голубой диоровский пуловер, того же цвета джинсы «Левайс» и теннисные туфли «Адидас». Да, ему не откажешь в умении метнуть бисер. Он поднял на меня сонные глаза сенбернара. Улыбнулся, втянул большими ноздрями воздух и рывкнул: «Арма-а-ани! Ну, ни в чём себе не отказываешь...» – и пообещал скоренько закончить шахматную партию матом в три хода.

И вот мы бредём по каштановой аллее, а старый светский лев рассказывает одну из своих правдивейших историй:

– Вот ты думаешь, почему я с тобой сейчас иду? Что, мне делать нечего? Нет, дорогой Андрюха, иду я с тобой потому, что мне тебя Игорь порекомендовал, а я лично убедился, что ты человек надёжный и наш! Что такое «наш» понимаешь?

– Очень примерно, – кивнул я, теряясь в догадках.

– Наш – значит православный, – пояснил он. – А значит, с тобой можно говорить на темы, которые для других людей, мягко говоря, малоинтересны и непонятны. А ты поймешь. Вот посмотри на этого старого хрыча, который ковыляет рядом с тобой, молодым и безумно красивым юношей.

– Вообще-то мне сорок три, – уточнил я, – и юношей меня можно назвать с очень большой натяжкой.

– Ха! Мальчишка! Мне-то уже шестьдесят семь по паспорту и сто сорок из расчета год войны за три мирных. Да, не скрою, когда-то и я тоже был молодым и безумно красивым юношей. Но, увы, эта война отняла у меня силы и здоровье.

– Какая война? – спросил я, сделав подсчет в уме. – Когда Великая Отечественная закончилась, вы были еще ребенком.

– Кака-а-ая, – проворчал он. – Та самая, что начинается, когдаходишь под церковные своды. Духовная!.. Она, Андрюха, не затихает ни на секунду. Боевые действия ведутся непрерывно. Шаг вперед – два назад. Всё, как на плотском плане, только более изощренно: пули, осколки, ядовитый газ, грязь, гной, кровь – и много, много раненных и убитых! Вот ты недавно встал на этот путь и пока стоишь на запасном пути в составе только что укомплектованного полка. Еще пара-тройка лет, первая призывная благодать уйдет, и ты по гроб жизни будешь воевать за каждый миг того счастья, в котором сейчас купаешься, как в океане. Чуть на копейку сделаешь чего-нибудь доброго, как приходит счет на миллион, и ты оплачиваешь его по полной программе. Думаешь, чего ради старый индюк на фанту подсел?

Раньше-то я к этим удовольствиям был вполне индифферентным. В главке столько зарабатывал, что перепробовал всё что можно в лучших ресторанах Москвы, Праги и Софии. Пресытился! Мне бы давно успокоиться и перейти на стариковский кефир с овсянкой, а тут прилипла ко мне эдакая страсть позорная. Страм! – вздохнул старик. – А всё почему? А потому что, сидя еще в начальственном кресле, успел в собственность матери-Церкви вернуть несколько храмов. Чего мне это стоило – отдельный разговор. Так вот после этого, так называемого, успеха, видимо, чтобы не превознесся и не пал от духа гордости, Господь попустил мне нести крест позора и всеобщих насмешек. Ведь у нас пьют все, и все как один любят поиздеваться над пьющим человеком. Так ты старику фанты купишь?

– У меня другое предложение, Федор Семенович, – сказал я. – Пригласили меня в один рассадник девичьей красоты. Так я предлагаю туда, для разнообразия, визит нанести. Чтобы сразу одним махом два вопроса решить: и ваш, и девичий. Вы как?

– А это еще лучше! – воскликнул светский лев. – Я молодежь люблю, особенно женского пола. Идём.

Мы заглянули в универсам, где долго выбирали французское вино и йогуртовый фруктовый торт, из тех, что не портят дамам фигуры. Потом подумали и на всякий случай прихватили хлебного вина – для старика, по его сугубой просьбе.

По дороге в торговый центр я позвонил по сотовому и предупредил дам, что мы идем в гости. Из трубочки прозвучало «милости просим, всегда рады». Пока шли, рассказал старику, как я с ними подружился.

Как-то вызывает меня начальник и говорит:

– Зарплата у тебя неплохая, а одеваешься, как бомж. Я тебе премию выписал, так ты уж приоденься, чтобы за тебя стыдно не было.

Иду я с этой премией в наш торговый центр, обхожу магазины и выбираю для себя «Балтийский стиль». Во-первых, там обнаружилась по-настоящему добротная и стильная одежда, которая шьется не в Китае или Турции, а в странах Балтии. Во-вторых, меня там приняли как родного, вежливо, гостеприимно. Моему приходу там искренне обрадовались. Девушки продемонстрировали столько разных вещей! Другие бы психанули и нагрубили, а эти – сама вежливость, само терпение. Казалось, что они были заинтересованы в том, чтобы подобрать именно то, что не дорого, мне идет, чтобы я остался довольным.

Но и это не всё. Девушки там были настолько красивы, будто их набирали в модельном агентстве. В первый раз я покупал себе куртку. Перемерял штук двадцать. Выбрал одну из космической ткани, не горячую, не гниющую, не рвущуюся и при этом тонкой и бархатистой. Но стоила она пятнадцать тысяч! Тут спускается директор, вежливый такой господин, спрашивает:

– За сколько вы бы хотели ее купить?

– Ну, – говорю, – за полцены.

Он кивает головой и велит девушкам:

– Отпустите за полцены. Пусть это послужит началом большой дружбы.

Девушки – нет чтобы огорчиться по поводу потери своих комиссионных, – обрадовались! Наконец-то им удалось угодить покупателю! На прощанье, директор закрыл магазин и велел накрыть на стол, чтобы отметить обновку и знакомство. Мне это всё понравилось, и стал я туда заходить почаще.

Дальше – больше. Девушки звонили мне и сообщали о прибытии из Бенилюкса новой коллекции. Примеряли мне что-нибудь и советовали купить:

– Вам это идет, вы в этом такой элегантный господин!

Я смотрел на ценник и охал:

– Дорого!

Тогда они звонили мне через две-три недели и приглашали в гости. Я выбирал торт полегче и приходил к закрытию магазина. Девушки запирали дверь, ставили чайник, выставляли чашки-ложки – и мы разговаривали. Оказывается, несмотря на красоту, а может именно благодаря ей, у них обнаружилась куча-мала проблем. Тут и конкурс на поездки за границу, и домогательства мужской части начальства, и ревность мужей и болезни деток. Ну, поплачутся девушки в мою кожаную жилетку, попьют чайку, а потом вскакивают и радостно объявляют:

– А теперь померьте еще раз тот льняной норвежский костюмчик, который вам в прошлый раз понравился.

Надеваю, восхищаюсь и осторожно одним глазком читаю ценник. А там вместо двадцати тысяч – всего-то две.

– Ну как, – спрашивают, – эта цена вас устроит?

– Еще бы!

Одной из продавщиц, была моя Лора. Только удержаться там ей долго не удалось, наверное, возник конфликт с начальством. Она перешла в другой магазин той же сети, какой-то стоковый. Зарботки на новом месте были гораздо ниже, а привычка одеваться хорошо осталась. Может быть поэтому, бедная женщина так азартно вымогала у меня деньги. Бедная, бедная Лариса. Нужно будет позвонить ей как-нибудь.

В магазине «Балтийский стиль» нас приняли как всегда с той естественной радостью, которую невозможно сыграть. В тот день работали шатенка Лена и блондинка Юлия. Взглянув на девушек, Федор Семенович закрыл лицо, будто ослеплённый. Потом церемонно приложился усами к ручкам и, закатив глаза, осыпал дам витиеватыми комплиментами. Пока девушки закрывали дверь, накрывали на стол, старик прошелся по магазину и пальцами указывал на иконки и крестики-«голгофки», развешанные по четырем сторонам света. Девушки заметили это и сказали хором:

– А вы как думаете! Мы тут работаем в мусульманском окружении. Нам без святых никак.

– В таком случае это очень многое объясняет, – сказал мне старик, видимо, имея в виду мой рассказ по пути в магазин.

За пару часов девушки подобрали нам одежду из последней коллекции, поделились своими бедами, съели торт и выпили вино. В дверь несколько раз стучали соседки по торговому центру, такие же продавщицы, только менее эффектные. Старик рассказал о том, как он добился аудиенции и чуть не побил лицо одному героическому маршалу. «Нет, а чего он всюду кричит, что он выиграл войну! С кем? С собственным народом? Знаете, как его называли в армии? Мясник!» Потом поведал историю о своём блиц-романе с Шэрон Стоун, попойке с Микки Рурком и ссорой с Николасом Кейджем. На открытии «столовки» «Планеты Голливуд» познакомился с Патриком Суэйзи, поблагодарил его за фильм «Привидение» и напороочил, что тот умрет от рака, как человек светлый и добрый. Затем он встал и торжественно прочитал собственный стих: «... И синева потряс пасхальный звон – Ты жив и ты непобедим, мой Третий Рим! – Стою сейчас на грани двух миров: – Один истлеет – а другой воспрянет, – Один меня убьет – в ином восстану – И в вечность перейду в объятия отцов».

– О, старая гвардия живёт и побеждает! – воскликнул я. – Как сказал бронзовый Король из мультика «Зачарованный мальчик» деревянному Боцману: «Ты еще крепкий старик, Розенбом!»

Старик иронично улыбнулся и победно обозрел диспозицию. Девушки порозовели, глаза их сияли, они улыбались, сверкая ровными зубками, по-деревенски подперев подбородки кулачками. И только резкий стук в дверь прервал наш праздник – вошел супруг Лены, бдительно осмотрел помещение и предложил развезти дам по домам. Старик встал, церемонно поклонился ему, представился и величаво пробасил:

– Какое сокровище досталось вам, молодой человек. Эти юные создания даже меня сумели развеселить! В их милом обществе я словно помолодел. Берегите их! Это наше национальное достояние!

Из магазина мы вышли в душные сумерки. На серо-голубом небе розовели перистые облака. Заливисто свистели скворцы, стайкой рассеявшиеся по траве лысоватого газона. От ближайшего ресторана веяло ароматом жареного на углях мяса и душистых специй. Мне же не давала покоя одна строчка в его стихотворении, и я решился задать автору вопрос:

– Федор Семенович, а почему в стихотворении сказано «один меня убьет...»?

– Заметил, – пробурчал снова постаревший светский лев.

– Мне известно, что поэтам часто во время вдохновения приходят на ум пророческие слова.

– Не знаю, как насчет пророчеств, – сказал он медленно, – но сдаётся, нет у меня другого пути спасения души. Немало натворил я в этой жизни всякого-разного. – Он вскинул печаль-

ные глаза и сказал: – Спасибо тебе, Андрей, за этот вечер. Пожалуй, тебе я могу признаться. Уже много лет молю я Господа послать мне мученическую кончину. Понимаешь, я не боюсь мучений, увечий, пыток, не боюсь сдохнуть ночью под забором, истекая кровью. Одного боюсь – услышать от Спасителя на Суде самые страшные слова: «Отойди от Меня, делатель беззакония, во тьму кромешную!» ... Потому что вижу себя по жизни именно таким вот «делателем». А у меня чисто эстетическое отторжение геенны. Знаешь, какой там смрад, какой мрак и ужас! Ты послушай! – Он извлек из кармана изящную записную книжку в синей коже и спросил: – Узнаёшь?

– Да, – кивнул я, – примерно такую же я видел у Игоря.

– Правильно. Много-то не надо. То, что здесь написано, вполне достаточно для спасения. Если, конечно, не только читать, но исполнять. Сейчас, только очки водружу на носоглотку... Ага, вот. Слушай. *Верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; Жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли.* Это Послание апостола Павла к Евреям, глава одиннадцатая. Ты понимаешь меня, брат?..

– Да, – сказал я чуть слышно, – во всяком случае, очень пытаюсь понять. Только думаю, что вы несколько преувеличиваете. Мне с вами хорошо, как со старым другом. Значит, человек вы добрый.

– Много ты зна-а-аешь, – прохрипел он устало, хлопнул меня по плечу: – Прощай! В случае чего, прошу считать меня антикоммунистом! – Издал серию высокочастотных звуков, изображая смех, и свернул к своему дому.

Последнее «прощай» как-то сильно резануло по сердцу. Я смотрел вслед Федору Семеновичу и видел одинокого смертельно усталого человека, сторбленного от неимоверной тяжести, которая давила и давила на него.

Задумчивым вернулся я в свою холостяцкую берлогу. Медленно переоделся и, только войдя на кухню, обнаружил, что забытая мною сковородка все еще шипит. Я снял её с плиты и сунул под струю холодной воды. Когда из-под крышки вышел пар и она осела, я снял её и увидел, что в густом бульоне бесформенными островами высятся куски мяса. Еще полчаса и у меня всё бы тут сторело. Я добавил кипятку из чайника и отложил приготовление супа до завтра.

Сам же вышел на балкон и погрузился в кресло. Мне почему-то было до боли в груди жалко старика. Представились его слезные молитвы о даровании ему мученической смерти, вспомнились спокойные слова об увечьях и пытках. ...Истекая кровью ночью под забором... Какое искреннее покаяние горит в его изношенном сердце! По сравнению с ним я теплохладный заморыш!..

В ту душную звездную ночь где-то недалеко истошно заливался соловей, я смотрел на глубокое звездное небо в розовой пене облаков, а видел умирающего под забором старика. Неожиданно, словно сама собой, появилась в груди молитва, вырвалась из горла горячим шепотом. И слова той молитвы были непривычны, но так стройны и красивы, что не было у меня сомнения Кто их автор и Кто «положил глаголы сии на сердце мое». Молитва была о Феодоре, Игоре, Ларисе, девушках из магазина, начальстве, соседях. Потом вдруг помянул будущую жену и детей – они на миг будто вышли из тумана моего неведения и тут же исчезли. Потом поминал своих покойников... Напоследок прозвучали слова благодарности Спасителю, Пре-

святой Богородице, всем святым, ангелу-хранителю... Когда слова иссякли, я устало склонил голову к груди.

Вдруг пространство, ограниченное моим сторбленным телом, каким-то неведомым способом раскрылось, распахнулось – и я оказался на огромном бескрайнем поле с перелесками. Невдалеке отражала синеву небес вода широкой реки. Я оглянулся и увидел за своей спиной пригорок с тремя плакучими березами. Под ними сидели и мирно беседовали два человека. Мне очень захотелось принять участие в разговоре, я приблизился к ним со спины, медленно обошел и встал, как вкопанный. Да, я узнал их – это были Игорь и Федор Семенович. Конечно, выглядели они непривычно, на них переливалась разными оттенками белого цвета струящаяся одежда вроде хитонов. Лица их сияли, а в глаза и смотреть было больно от льющегося из них света.

– Ну вот ты и пришел, брат, – сказали они хором, не открывая рта.

– Где это, что это? Я умер? – спросил я не своим голосом.

– Ты не пугайся, это еще не смерть. Ты здесь для отдыха и успокоения. Подышишь здешним воздухом, помотришь на эту реку, поле, небо – да и вернешься домой.

– А вы тут часто бываете?

– Иногда, – улынулись они. – Когда терпение на исходе. Или от любви к людям изнемогаешь. Ты походи тут и получше запомни это место. Когда сильно устанешь, приходи. Мы всегда рады будем тебя видеть.

Я побежал по склону холма к реке. Трава слегка пружинила и словно подбрасывала меня вперед. Воздух наполнял легкие целебной свежестью. Глаза жадно впитывали окружающую красоту. Легкие ароматы текли в струях воздуха, то теплых, то слегка прохладных. Прозрачная, чуть голубоватая вода реки отражала небесный свет и одновременно увеличивала камешки на песчаном дне и причудливые кустики водорослей. В траве под ногами ползали жучки в переливающихся панцирях, прыгали кузнечики, открывая на лету розовые крылья; а вот синеватой стрелой метнулась к воде серебристая змейка. Над раскидистым кустом с крупными ярко-бордовыми цветами в лучах света кружили насекомые, показавшиеся мне знакомыми. Да, это были комары. Так вот почему они на земле кровь пьют, – они ею питаются взамен красного сока этих цветов!

За пригорком на излучине реки я увидел нечто уже знакомое. Мне доводилось видеть это раньше на старинной гравюре: бок о бок мирно лежат белый ягненок и огромный рыжий лев, который ласково, по-матерински, лижет кудрявую спинку малыша, а тот с явным удовольствием урчит и закатывает глазки. А вот из реки выполз ярко-зеленый крокодил и устроился рядом с парочкой и приоткрыл пасть, словно улыбаясь. Те приветственно кивнули ему. Низко над нами спланировал белокрылый орел и так же сел на траву и стал её аккуратно клевать.

Я вернулся к холму, на котором по-прежнему сидели и разговаривали мои друзья. Они будто услышали мой невысказанный вопрос и сказали:

– Господь отсюда не виден. Здесь пребывает лишь отсвет Его славы в виде рассеянного повсюду света. А увидим мы Господа только после смерти тела.

– А вы видели Его? – спросил я.

– Только издали, за спинами и головами множества людей более достойных, чем мы сами, – ответили они.

– А я увижу?

– Обязательно, потому что здесь уже нет времени. И суд Божий тут происходит вечно, как изливание любви на человеков.

Очнулся я от прохлады и оглянулся. Я сидел в старом кресле на своём балконе. На востоке розовел восход солнца. Соловей по-прежнему сотрясал прохладный воздух замысловатыми трелями. Над недавно скошенной травой поднимался прозрачный туман. И только где-то далеко спросонья тявкнула собака и одинокий прохожий спешил к станции метро. Удиви-

тельный покой невидимо и величаво летел над землей. А я чувствовал себя совершенно счастливым человеком. В теле продолжала пульсировать молодая свежесть, в голове – ясность, в сердце – тихое ликование.

Спать не хотелось. Я принял душ, почистил зубы, оделся и встал на утреннюю молитву. Прочел ее на одном дыхании, легко и весело. Решил доделать то, что не успел вчера – сварить суп. Перед кончиной мама будто наверстывала что-то упущенное в моем воспитании. Она учила меня снимать показания электрического счетчика, оплачивать коммунальные счета, правильно выбирать продукты питания, жарить котлеты, резать салат, варить суп... Она просила, требовала, наконец, чтобы я обязательно каждый день съедал тарелку супа. Дело в том, что болезни желудка в нашей семье – нечто вроде родового проклятия, поэтому горячие бульоны и хорошо проваренные овощи так жизненно необходимы.

Лора не признавала супов, в обыденной жизни ей вполне достаточно было салатов и жареного мяса. Еще она постоянно покупала сыры с белой и синей плесенью, какие-то «Камамбер», «Бри», «Рокфор» и даже, простите, «Данаблу» и «Блэ де Кос». Мне они напоминали прессованные дрожжи, политые одеколоном. На праздники всегда заказывала пиццу с доставкой на дом или покупала в соседнем японском ресторанчике сильно перченую рисовую лапшу, суши и роллы. Для меня же супы – щи, борщ, куриная или грибная суп-лапша, харчо, уха, летом окрошка – были основой питания. Поэтому эти блюда, как сказала Лариса, «закрепились за мной».

Только я вымыл и почистил овощи и приступил к резке лука, только пролил первую традиционную слезу, как в дверь позвонили. Глянул на часы: семь утра! На пороге стоял Игорь и смущенно извинялся:

– Прости, Андрей, мне показалось, что я мог бы к тебе зайти. Не помешал?

– Да нет, – обрадовано сообщил я, – самое время! У меня была сказочная ночь.

– Вот поэтому я и пришел, – сказал Игорь, тщательно отмывая руки под шипучей струей воды над мойкой.

– Ты знал? – удивился я, шинкуя злющий лук.

– И знал, и видел, и слышал, – кивнул он. Снял со стены разделочную доску, выбрал нож поострей и принялся крошить морковь.

– Так это был не сон? – Опустил я руки в удивлении.

– Как тебе сказать, – потер он тыльной стороной ладони переносицу. – Это всегда останется тайной для нас. Я тебе расскажу, что этому предшествовало. Позвонил мне Федор Семенович и сказал, что в ответ на твою дружескую услугу он тебя... вроде бы испугал.

– Да не то, чтобы испугал, скорей опечалил.

– Неважно, – махнул Игорь. – Просто тебе всё это пока внове. Надо бы тебя к этому приготовить. Понимаешь, желание мученичества – это даже давно воцерковлённые люди далеко не все могут понять. Смерть вообще часто вызывает у людей панику, резкое отторжение. Это, наконец, страшно. ...А тут не просто смерть, а мученическая, добровольная! Как у первых христиан, которые постоянно жили в состоянии опасности. Они ведь каждый день проживали как последний, а на мучения шли с радостью. В общем, подумали мы с Федором Семеновичем и решили устроить тебе встречу в Преддверии рая. Как? Ну, конечно, молитвенно, с помощью Божией. Вот так ты туда и попал.

Потом вдруг Игорь поднял глаза и сказал:

– Ты мясной суп готовишь?

– Да. Уже и мясо отварил.

– А ты знаешь, что через три дня пост начинается? Лучше свари постный, а мясо за эти три дня съешь вприкуску.

– Спасибо, что подсказал. А как мне к ночному приключению относиться?

– В основном спокойно. Как к незаслуженной премии, выданной в качестве аванса.

– Понимаю.

– Одно скажу точно – тебе легче будет даваться созерцание. Все-таки ты кое-что уже видел воочию. Тебе легче будет понять, ради чего человек уединяется и предстаёт Вседержителю один на один, лицом к лицу.

Игорь ушел, а я сел, потому что, как сказал Удав из мультика «38 попугаев»: «У меня появилась мысль, и я её думаю». Итак вопрос: зачем ездил я в наши черноморские тропики? Зачем, спрашивается, читал о Бразилии и даже видел её во сне? Почему так беспокойно и плохо себя там чувствовал? Вот каким-то образом мне показали рай. Отныне я могу сравнивать земной тропический «рай» и небесный. И что-то мне подсказывает, что сравнение не в пользу земного: дорого, ехать далеко, жадные люди, опасность... А рай небесный – теперь всегда со мной, во мне... Я могу его вспоминать. А, может быть, даже и снова посетить его блаженные светлые дали!

Охотник и жертва

Странный человек Игорь проживал, что характерно, в странном доме. Его комната одновременно находилась на первом и на втором этажах. Одни окна выходили на наружную галерею второго этажа, противоположные – во двор, на цокольную галерею. Это оттого, что дом стоял на горке. Входную дверь комнаты он почти никогда не закрывал, поэтому входили к нему запросто, все кому не лень. Вообще-то раньше ему принадлежала вся четырехкомнатная квартира – она досталась ему по наследству от покойных родителей. Но однажды у него поселилась девушка по имени Матильда, знакомая знакомых. Ну как, скажите на милость, девушке с таким именем жить в поселке Кучино, известном разве только керамическим заводом! Поэтому она и приехала «завоёвывать» Москву. Вполне логично и даже извинительно, по мнению Игоря.

Пожила девушка, огляделась, даже привыкла к новому имени Мотя – именно так её называл Игорь в память о покойной бабушке. Игорь делился с гостьей практически всем: жилплощадью, деньгами, едой и даже одеждой – у девушки фигура была точь-в-точь, как у Игоря, только туловище чуть короче и плечи поуже. А потом как-то проснулся в миловидной девушке Моте хищный зверёк. И куда только, спрашивается, подевались милая провинциальная непосредственность и девичья хрупкая пугливость, чувство благодарности, наконец?

Напоила Матильда нашего Гошу, подсыпав какой-то порошковой дури в бокал с красным вином, и вероломно склонила к низменному сожительству. Потом объявила о беременности... Потом, заламывая руки, взывая к его совести, размахивая медицинской справкой, заставила пойти в ЗАГС. Потом, сделав аборт, развелась, привезла сына от первого брака, продала кое-что из фамильных драгоценностей Беклемишевых, наняла ушлого адвоката и отсудила три комнаты. После развода и размена она предложила ему снова сойтись, вероятно, чтобы со временем не потерять и четвертую комнату, а, может быть, для того, чтобы в лице бывшего мужа иметь няньку, сожителя, а может, охранника – кто ж её поймет... Игоря, чтобы не мешал, отделила стеной. Из его комнаты имелся выход наружу через балконную дверь. Так он стал жить на четвертушке собственной квартиры, нимало этим не смущаясь. Хищный зверёк внутри Матильды вцепился в горло доброй девочки и одержал над хорошей частью её души сокрушительную победу.

После моего знакомства с Матильдой, когда я успел поговорить с ней, а так же услышать две версии случившегося, Игорь имел неосторожность спросить, что я думаю о ней.

– Помнишь мультфильм «Волшебное кольцо»? – начал я издали. – Там есть такой момент: кошка с собачкой идут за свадебной процессией и говорят: «Кака гангрена нашему Ванечке досталась, хуже карасина». Ну вот так, примерно...

– Тебе еще многому предстоит научиться в общении с женщинами, – глубоко вздохнул он. – Например, бесчисленному прощению их слабостей.

– Ничего себе слабость! – возмутился я. – Напоить, отравить, изнасиловать, обворовать человека, который тебе предоставил кров, помощь... По-моему, это не женская слабость, вроде обморока от дурного слова, – это самая что ни на есть силища злобы.

– Уверен, ты не прав, – тихо сказал Игорь. – Она хорошая, только как бы заколдованная, зачарованная, что ли. Увидишь, Мотя еще опомнится, и всё у неё будет хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.